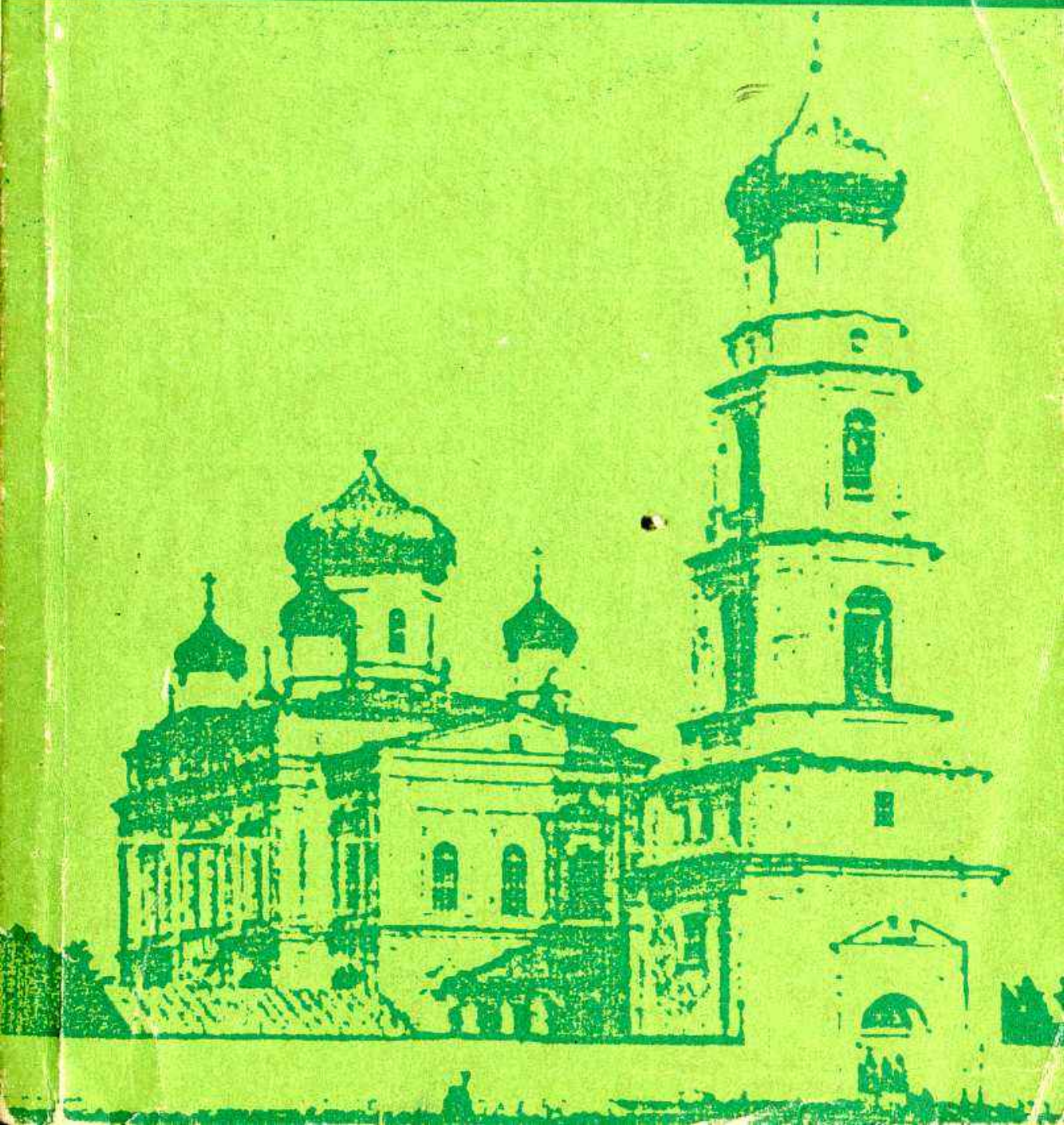

ГОСТИНЬИЙ ДВОР

3·95

ГОСТИНЫЙ ДВОР

3/1995

...Общее число преступлений, по сведениям ок-
ружных судов, простиралось за отчетный год до
1548, число осужденных по ним — до 200 муж-
чин и 14 женщин.

Общее число проступков, по сведениям земс-
ких начальников и городских судей, простира-
лось до 13954, число осужденных по ним — до
10353 муж. и 871 жен.

Во всех тюремных замках губернии к 1 янва-
ря 1895 г. состояло 1184 арестантов обоего пола;
в течение отчетного года поступило 6717, выбы-
ло 6800 и к 1 января 1896 г. осталось 1101 обо-
его пола.

Насильственных и случайных смертей в от-
четном году было: в городах 74, в уездах 491, а
всего по губернии 565.

Из них:

	муж. пола	жен. пола
детоубийств	6	5
смертоубийств	33	9
самоубийств	11	4
от болезней	67	26
от пьянства	22	2
от неизвестных причин	55	28
найденных мертвых тел	23	2
убитых молнией	6	2
задавленных и упавших с высот	39	7
сгоревших и убитых на пожаре	15	8
умерших от угара	4	2
замерзших	8	1
утонувших	64	25
умерших от укушения зверями	0	0
умерших от других причин	57	27

“Обзор Оренбургской губернии за 1895 г. При-
ложение ко всеподданнейшему отчету Оренбург-
ского Губернатора”. Оренбург, 1896

Литературно-художественный и общественно-политический альманах

Оренбургъ.

Издательство
“ЗОЛОТАЯ АЛЛЕЯ”
Калуга 1995

ГОСТИНЫЙ ДВОР

3/1995

Проза и поэзия	Стихи по кругу: Ю.Бабий, М.Верещагина, О.Лукиянова, С.Масальская, Д.Охина, П.Переpletчиков, С.Попова, И.Пуликова, В.Рузавина, Г.Филиппов, А.Фролов, Г.Шиндяев, Л.Эсаулова Лев Исаков. Стихи. Публикация А.Прокофьевой Петр Краснов. Рассказы Фарид Нагимов. Паучок на паутинке. Рассказ Александр Фурсов. Слет пионеров. Антифашистическая утопия	10 20 24 125 145
Время действия	Документ без комментария Виктор Логвинов. "Сейчас, когда народу тяжело..." - Стихи Фелор Подольских. С сумой в третье тысячелетие Екатерина Нейфельд. "Народное Дело". Кооперация как "третьий путь"	45 48 51 57
Личное мнение	Валентина Капустина. Казачья "лень"	65
Казачья линия	Николай Волженцов. Чернореченски кокурки. Рассказы мои и моих земляков Владимир Семенов. Мякутины. История рода Степной лицей Документ без комментариев	68 81 92 96
В зеркале истории	С русскими во время войны и мира. Воспоминания полковника Ф.А.Узлесеня, бывшего британским военным агентом в России Павел Матвиевский. А.В.Суворов в Оренбургском крае Сергей Попов. Капитанский сын и "Капитанская дочка". Публикация С.Сорокиной Сергей Суходолов. Заметки оренбургского жителя конца XX века	98 109 115 122
Оренбург- Москва	Николай Глазков. "Урал, непобедимый и могучий..."	141
Факты и предположения	Алла Прокофьева. Александр Ширяевец и оренбургская периодика Загадка губернатора Крыжановского, или Как архирейский дом возник. Глеб Десятков	175 175

Культурный слей	Клятва, ставшая судьбой. Н.Емельянова Татьяна Судоргина. "Вокзал Белова. Имеет быть сеанс..." Наталья Веркапанцева. "Идите по земле, но смотрите на звезды!"	183 187 194
	Протокол несостоявшейся репетиции фольклорно- этнографического ансамбля "Перегода"	200
Национальное достояние	Ольга Окунова. Графика. Анатолий Кантор Павел Рыков. Размышления и диалоги с художницей Ольгой Окуновой о свободе и счастье Сочинение об одной картине	205 206 213
Оренбургская диаспора	Наталья Кожевникова. "Этот неукротимый, блестящий талант..."	215
Уральские диковинки	Два года Италии - или два месяца кумыса? Т.Савинова	218
Евразия	Валерий Кузнецов. В мире гармонической свободы Юрий Зобов. Крестьянская колонизация. Заселение Оренбургского края в XVIII-начале XX в На границе Европы и Азии. А.Чибилев, Д.Сафонов, Ф.Мильков (окончание)	221 224 234

Николай Волженцев

Чернореченски кокурки

Рассказы мои и моих земляков

Конец марта. На улице сумрачно. Небо заволочено густыми, грузными тучами. Идет дождь. Льет, льет, льет. Ветер налетает на дома, тремит жестью балконов. Промозгло за окном — и от этого еще теплее и уютней в комнате.

Грустно. Гляжу на широкие мутные потоки воды, заполнившие улицы. Темный тающий снег клочками лежит меж сумрачными серыми зданиями, на клумбах, на асфальте. Многоэтажные дома отражаются в белесых, свинцово-поблескивающих лужах.

Так хочется от этого весеннего унылого городского пейзажа на простор, в поле, в село. Увидеть холмы в черных проталинах, желтый осевший снег в степи, следы в сугробах, наполненные зеленоватой прозрачной водой. Бесконечные наледы, лужи на речке и в оврагах, тонкие прозрачные ручейки, посреди дороги пробивающие путь по машинным и санным следам. Мокрые блестящие деревья, с которых мерло, медленно, словно слезы по зиме, стекают, срываются дождевики. Черный, как уголь, невдалеке лес, дикие, унылые орды намокшего рейника вдоль оврагов и заброшенных сараев. Потемневшая, сторбившаяся под дождем крыша погребушки. Глухой стук закрываемых ворот судейского двора...

Чернореченски кокурки *

От села нашего Черноречья до Урала километра два, а виднеется дизельхонка. И на высокое место ходить не надо: заберешься на худой сити сараншко, и вот оно — сверкает, блестит излучиной.

Раньше по реке суда ходили, катера тянули за собой баржи. Заходишь и к нам — было место для причала, называлось Лопатино: ступни в обрывистом яру до самой водички. Подчаливайте, катера, бросайте, матросы, якорь, пожалуйста на палубу все желающие!

Пресное деревенское печенье: род коржик.

До города тогда добирались или посуху, на лошадях, или по Уралу, на катере. Другого транспорта не водилось. А в город, хочешь-не хочешь, раз в месяц съездить надо. Одежку-обувку себе и детишкам, ситчику на платье, драп на пальтишко, занавески на окна, одеяло, шило-мыло... да мало чего. Да и свой "товар" в городе сбывать можно. А какой у сельчан в летнее время "товар"? Молоко. Ключевские, те возили в город сливки, сметану, масло. А наши бабы — только топлее-ное молоко.

Славилось наше молочко: душистое, сладкое, с сочной пенкой. Не ленились бабы сдирать в город. Готовились загодя — за неделю, за две. Чугунами томили, "топили" в печи молоко. Чтоб не пропало, не сквасилось, опускали в набитый снегом погреб. Накопив, сливали молоко в бидоны, собирались в дорогу. Метили в город в "базарные" — субботние да воскресные — дни.

Катер подходил под вечер. По два, а то и по три десятилитровых бидона на каждом конце коромысла несли деревенские женщины. Крючками гнули бабонки под тяжестью, уже сумерками спускаясь к поджидающему у берега транспорту. Не умещались в катере — саживались в барже.

Трап убирался на зарядке, когда, угомонясь и крепко устроившись в каютах, бабы спали — до просыпа в Оренбурге. Катер отчаливал, вода за бортом шумела, ритмично хлопала. Гулко, временами захлебываясь, гудел мотор. Сон на заре еще больше вязал души чернореченских предприимчивых торговков. Шум, плеск воды, рокот мотора баюкали спящих.

Неторопливо, смутно проступали из темноты крутые обрывы берегов, яров. Невидимо, слитый с ночью, близко к берегу подходил лес. Ветки низко повисали над яром — доставали, шушали, хлестали по крышке каюты. Катер тихо, не спеша, упорно двигался против течения — всё ближе и ближе к городу.

Шурша гальками под днищем, сквозь сон пассажиры улавливали глухие, отрывистые голоса: говор матросов, которые шестами толкались с врезавшегося в мель переката или пологого берегового дна катера. С надрывным гудом мотора катер пятился, сползал, отходил от мели. Рейс продолжался. Полуразбуженные внезапной остановкой, пассажиры вновь уходили в дремоту, сжимались, кутались от подступающего предрастветного холода.

За окошком каюты синело, отчетливо проступали из посветлелой мглы очертания берегов, становилась видна водная дорога впереди и сзади катера.

С протяжными гудками входил катер в проем огромных быков железнодорожного моста перед городом. В дымах, еще размытых серым утренним сумраком, вставал город, над которым уже выкатывалась малиновый, чужой, недеревенский шар солнца.

И вот пристань. Позевывая, ежась от холода, гремя бидонами, сходили бабы на берег. Договаривались между собой держаться вместе, и, снова сгибаясь под коромыслами, мерно, неторопливо, гуськом двигались по Чернореченской улице, держа путь к базару. Некоторые от-

клонялись от проторенного маршрута, шли к давно облюбованным местечкам, где их ждали постоянные покупатели, старые знакомые, — и начиналась торговля.

— Кому молочко топлёное? — нажимая на свое упорное, чернореченское “о”, созывали они покупателей. Угодливо обращаясь к покупателям, меняли в говоре свое черенское “о” на городское “а”. — Пажалуста, папробуйте молочка. Скусное, пондравится, гражданочка.

“Гражданочка”, городская особа, освободив от сумочки руку, материно выгибала ладошечку и говорила:

— Покушать можно?

Чернореченская молочница половничком капала на подставленную ладошку молочко. Гражданочка подносила ее к губам. Откушав, отпробовав, с капризным видом приценивалась, спорила, но соглашалась на установленную торговкой цену.

Крепко докучали, поднимали и дразнили деревенских торговков городские ребята. Нажимая на “о”, кричали вслед:

— Чернореченски кокурки пошли!

— Чернореченски кокурки !..

— Чернореченски кокурки !..

Сельские мальчишки, впервые попав в город и еще не освоившись, отропело принимали встречу, устремленную им городскими сверстниками. Впявсь в юбки матерей, они выслушивали обидные выкрики в свой адрес, терпели, затравленно озирались среди незнакомого люда и неуютных городских улиц. Постоять за себя и дать обидчикам сдачи еще не ренались — осматривались пока.

Продав свой “товар”, бабы обходили магазины и базар, покупали ткани для шитья, примеряли одежду и обувь взятым с собою детшикам. Готовили гостинцы оставшимся дома: мармелад, повидло, коврижки, печенье, бублики, кренделя, булки, сушки. Брали колбасу. Городского, испеченного “кирничиками” хлеба набирали мешками, чтоб надолго хватило. Сподручнее купить готовый хлеб, чем затевать дома свой. Отходила пора домашней выпечки калачей, караваев...

Набив сумки и узлы покупателям, навешивали их на крючки коромысел, где уже болтались и громыхали пустые бидоны из-под молока. У каждой в плечах мешок с хлебом. Умудрились и в свободные руки ухватить кое-какие свертки. Волокли все это да еще уцепившихся в юбки, уставших, но гордых пребыванием в городе детшек. Нагруженные более, чем утром, утомленные “коммерцией”, спешили знакомым путем к пристани. Быстрее домой! Соскучились по родному селу, устали в городе и взрослые и дети.

А вот и пристань. В катере, в барже уже сидят бабы. Шумно, весело. Делятся новостями, знакомятся с покупками друг у друга, поджидают еще не вернувшихся товарок. Погромыхивают бидоны, скрипят затапливаемые в углы коромысла.

Наконец все в сборе. Заводится катер, отходит от берега. Снова хлопает за бортом вода, удаляется город, исчезает за поворотом.

Вперед по дороге домой.

Собор

Рассказ деду Тархана

Раньше в центре Оренбурга Собор стоял. Стройный, просторный, многокупольный. Не было такого, как у нас, собора нигде в нашем государстве и за его пределами. По красоте и особенности одним из лучших считался...

В былую-то пору как? Города, как люди, друг перед другом тянулись, старались свою стать показать, развенуть. Это сейчас они все на одно лицо. Поселить из одного города в другой — и заблудишься, спутаешься. Не то это город, в который ты ехал, не то — из которого приехал. И дома одинаковые, и улицы — по одному плану. В старые времена заботились жители о своем городе, как за свое переживали. Не только богатое сословие, но и простые горожане средства, деньги вносили на нужды города. Чем лучше, красивее, богаче город, тем и жителям почета и авторитета больше.

Важную красоту и вид городу придавали храмы. В гордость было вносить свою помощь в строительство церкви. Храмом городу не только своя особенность дается, но и вера каждой родной слава воздается, поднимается.

Не хуже других был, выделялся наш город. На красивом удобном месте расположен: на горе, далеко по всей стене видно. И улицы уютные, дома старинные, не был беден и храмами. Для нас, православных — церкви, для магометан — мечети. Бок о бок жили и магометане и христиане, в Бога верили, обид друг другу не гнали.

Церквей в городе было много, хватало верующим, а вот главного, большого храма — не было. И задумали тогда власти и духовные лица построить Собор — непохожий, в отличку от всех соборов, имеющихся где-либо. Стали собирать деньги, а их не хватало.

Приехал из Москвы просвященный, собрал купцов.

— Так, мол, и так, господа купцы, надо храм-собор заложить в городе Оренбурге. Вы люди богатые, внесите деньги на строительство православного храма, память о вас потом в людях будет.

Замыслил купцы. Кто по три, кто по пять тысяч — больше не дают, а денег всё не хватает.

Видит просвященный: дело не клеится, спрашивает:

— А есть еще богатые купцы?

— Есть, — говорят. — Самый богатый купец у нас — Ахмед Галеев, — но только он магометанин.

Спросил его владыка:

— Можешь ли ты помочь делу, внести деньги для постройки храма? Мы твоё имя запишем в алтаре, чтоб о тебе в людях память осталась.

— Нет, — отвечает Ахмед Галеев, — я другой веры.

* Ахмед Галеевич Хусинов, оренбургский купец.

Решил тогда владыка перенести постройку Собора в другой город, да купцы побогаче.

— Ладно, — согласился тут Ахмед Галесев, — внесу я деньги на строительство, но при одном условии, что строить буду один.

Заволновались другие купцы:

— Как же так, магометанской веры купец — и строит православный храм. Что люди о нас говорить станут? Ведь этак дело и до государя ойдет.

И внесли денег, сколько требовалось.

Поставили Собор. Втянул Ахмед Галесев русских купцов в строительство. Просумлевались купцы, да опамятавались. Показали свою любовь, да выправились.

Опосле лихую пору время принесло — разоружено и раздорно. Другие люди у власти стали, скоростные на опозношение и пагубу. Разрушали церкви, мечети. Мозолила кому-то глаза красота Собора. Разнес и динамитом храм, по кускам растащили. Но память людскую не сошеешь. Как будто тем же огнем, которым разорены учинялось, унесло огубителей, будто мглой их закрыло.

А о Соборе помнят люди. Из поколения в поколение передают сказан, как Собор поднимался, строился. С доброй улыбкой вспоминаем пор купцов. Судились-рядились, а все-таки между собой договорились. Разной народности, разной веры люди, а душа-то у всех одна — словечка. На одно небо глядим, живем под ним, по одной земле ходим. Не отъединялись друг от друга, все вместе поднимали, обустроили отчую землю наши предки. Память о Соборе — как наказ нам сбергать и хранить духовную крепость, любить свой край, сообща поднимать его красоту и силу.

Трудное время

Рассказ матери

Детство меня проглядело, не заметило. Отец мой умер, — двенадцать лет всего мне было. Мать больная лежит. Вот с двенадцати лет и стала работать, пошла в колхоз вместе со взрослыми — в поле, на дорку.

Уборочна шла за железной дорогой. Увезут нас туда на месяц — омой нельзя, да и не на чем, весь участок на наших плечах.

В первое время в поле дома строили, культурны назывались. Во время сева и уборки жили мы в них, домой не отрывались. Дома эти пом разобрали, свезли с полей, а один попал в Черноречье. С тридцати в нем магазин.

Убери хлеб жнейками. Едет пара лошадей с жнейкой. За ней едет следом. Опять пара — друг за дружкой, одна за другой, — так и едут.

Подбিরали бянками. Бянки — специальные вилы с двумя зубцами. Складывали скошенное в кучи. Потом подвозили на лошадей моло-

тылки и молотили хлеб. Я сама маленька ростом, а молотилка-то выше потолка. Но я от мужчин не отстала. Они кидают навильник, и я тоже. Подпрыгиваю вверх, достаю, сбрасываю свой пласт в молотилку. Злопора была, упряга. Мускулы большие, крепки. У отпа и то слабы, маленькие мышки были. Бывало, начнем бороться с девчатами, всех расшеваряю, одна на ногах останусь. Фотография осталась с той поры, с подружками своими стою. Кругла, крепкобочая.

Ох, и доставалось работать. Работали за труподень, за палочку: на хлеб? на квас? на кислые щи? Без отрыва — в поле и в поле. Раз в месяц отпустят — и то ладно. Прибежишь домой: скорее, скорей! Разожгешь таганок, поставишь с водой чугунок, окатишься — и вся бяна. К восходу надо быть на месте. В четыре часа из дома выходишь и дуешь туда, за железну дорогу.

Наработаемся, смотрим на небо: где стоит Сабанья нога? По ней примерялись: когда вставать, когда ложиться.

И пахали сами. Запряжешь четверку лошадей и идешь за плугом, только покрикиваш: "Держи борозду!" На плуг — три человека. Один идет за плугом, один погонщик, третий пока переходит. Так поочередно и отдыхали.

Пашню вели от поля за железной дорогой, от Грязнухи, Кровашки-на (эти места уже к селу ближе) и аж до самой речки. Километров пять-шесть. Кончилась борозда, поверачивашь лошадей, кричишь им: "Становись прямой в борозду!" А лошади уже грамотны, сами разворачивают. Успевай развернуть сабан и поставить ровно в борозду. Пахали и в конце лета, перед зимой: для озимых и под паром.

А в войну в зиму ночами молотить приходилось. При уборке скошенный хлеб сложим в кучи, поставим ометы, а лошадей мало, молотилку не к каждому омету подвезешь. До зимы хлеб в ометах и оставался. Пока пробьем через сугробы дорожку, откопаем из-под снега омет, подвезем молотилки, уже и ночь. Молотим ночью. От других ометов розвезь (шеничные колосья — Н.В.) подвозим на санях. Большой воз нагрузу, высоко накладу, везу на место к молотилкам.

Пахали и на коровах. Тоже в войну. Каждый работал на колхозном поле на своей корове. У меня пыриоча была. Так раз трянула рогами в грудь — отлетела, без сознания лежала. Отлежалась. Хоть больно, хоть тошно, а давай вставай, пашни.

Как ни трудно было, а про веселье не забывали. Это счас в селе молодежи не стало, одни школьники, — все в город уезжают, не хотят в деревне жить. В наше время ни клубов, ни домов культуры не было. Ходили мы, девчата, шайками — по шесть пар, человек двенадцать. Снимали у кого-нибудь избу, собирались, приходили парни, с ними гармонисты, баянисты, играли нам. Наплясусьешься до гула в ногах. Ни хлеба, ни мяса — нечего поесть. Тыкву попарим в печке, наедемся. В животе бормочет, а сиделки идут. Придешь домой — хоть что-нибудь поесть. Пожужьешь корочку, да и заснешь. А ничего, здоровы были!

В пятнадцат лет стала я работать дояркой. Перед свадьбой зарабо-

тала сорок центнеров пшеницы, две телеги полны. Свезла на мельницы, продала. Да колхозный рубль вдобавок. На колхозный рубль да на зерно приготовила себе две кофточки, два платья, две юбки. На колхозный рубль купила зеркало, оно и сейчас стоит цело. Да полботинки взяла, лет пять носила. Малы были. Ноги с тех пор скрюченными стали. В них-то на посиделки и ходила, выплясывала. Из нижнего белья, когда я выходила замуж, у меня, кроме одной сорочки на себе, ничего не было. Простирала я ее, высушила и надела в этот же день.

Свадьбу сыграли сразу же на второй день, как посватались... Ты спрашиваешь: как стол собирали для свадьбы? Покупалось ли всё, готовилось ли? Да сами все готовили. Тогда все свое было. Колбас котихих у нас в сельских магазинах не продавали. Хлеб свой, мясо свое во дворе ходит. Из муки лапшевников, кашанников саговитом, да пирогов с мясом, — уже все есть. Да всякого соленья... Чего еще надо-то?

По обычаю свадьба в селе в первый день проводится в доме жениха. Мамака на вечеру была. Тока пришла взглянуть, как дочь с женихом в переднем углу сидят: последняя, младшенькая определена, замуж вышла. Посидела за столом, поглядела — и на руках ее вынесли домой. Наверно, и жила, ждала, чтоб последню дочь определить. Через три месяца, в марте, ее похоронили.

Посиделки и вечерки в селе Чернооречье

Рассказ отца

Как раньше в селе молодежь веселилась, отдыхала? Как мы временами свободное проводили? Не так, как нынче. Это сейчас в селах и клубы, и дома культуры, работники в них. И начальство переживает: развлечь, увлечь молодежь надо, чтоб не пила и не хулиганила. Собирут, чуть не силком, ребят-девчат, гармонист-баянист при них, — вот и хор получились. Концерт готовят. Особенно перед праздником стараются, надрываются: не ударим в грязь лицом, выступим для земляков-сельчан, покажем себя!.. Художественной самодеятельностью эта суета называется.

В нашу пору так не было. Собирались сами по себе, без принудилки, — никто нас не тянул. Сами артисты, сами зрители. Ходили компаниями. Парни собирались в свои ватажки, — от четырех до десяти человек, примерно, в каждой. У девчат — свои группы. В своей ватажке все парни считались друг другу товарищами, всюду ходили вместе. В каждой ватажке были свои гармонисты, заводилы, певцы. И, конечно, без всяких талантов ребята.

Сватажались так. Нравилась парню какая-то компания, он подходил к ребятам и говорил: "Хочу с вами быть"! Те советовались между собой и принимали или не принимали его в свою ватагу. Если все соглашались взять новенького в свое товарищество, то с этих пор все,

как один, были за него в ответе. Ребята помогали, поддерживали, записывали новичка, как и всегда друг друга, а он безраздельно принадлежал своим товарищам. Никто не мог безнаказанно задеть, обидеть того кого-нибудь из них. Если это случалось, обидчикам-неприятелям приходилось иметь дело со всей ватагой.

И парни и девушки собирались в группы, чаще одного своего возраста. На каждый возраст свои компании. В 1932 году в Чернооречье только моих одноклассков было десять ватаг. Столько же и у девчат.

Посиделки начинались с Покрова, после Михайлова дня (*в ноябре месяце — Н.В.*) Приходи на них хоть каждый вечер, кроме субботы. По субботам в церкви шла служба: вечерня. В воскресенье утром служилась заутреня, в обед — обедня, а вечером молодежь вновь на посиделках. Молодые люди мало ходили в церковь, больше люди средних лет и пожилые. В дореволюционное время, по рассказам стариков, так не было: молодежь не отбивалась от церкви. А и в ту пору посиделки были в силе. Отличались ли чем они от наших — не знаю, у старых людей не спросили; как у нас проходили — расскажу.

Зачин делали девчата. Искали поочередно избу, платили за нее... Девушка, которая снимала дом, звалась хозяйской. Недельно она "вела" — отвечала за посиделки. В следующую неделю черед ее подруге "хозяйствовать": избу искать, вечера вести. Собирались у старушки ли, вдовушки, одинокой женщины.

Вечер. Девушки сидят, вяжут, занимаются рукоделем: кто что может. Ребятам тоже на посиделки надо посидеть. Стук в окошко. Среди девчат происходит, примерно, такой разговор:

— Клавдя, посмотри, кто это там стучит?

Клавдя подходит к окну, смотрит, отвечает:

— А это те-то и те... Ну, что, пустить их?

— Да пусти, что поделаешь. Не пустим — выйдем на улицу, намуздают еше.

Ребят помоложе, особенно лет двенадцати, тринадцати, четырнадцати, гонят: "Сопляки еше!" — и те уходят к своим сверстникам.

Парни, если им разрешили быть на посиделках, входят в избу, садятся на скамейки. Гармонист ставит гармонь на стол, вытирает шапкой или рукавом пот со лба:

— Уффф! — глубоко вздыхает, делает вид, что очень устал.

Все сидят. Наконец, самая смелая девушка подходит к гармонисту и вежливо просит:

— Сыграйте нам, пожалуйста, краковяк.

И гармонист, поманежась, начинает играть. Играет и краковяк, и полечку с припевом, фокстрот, — все, что танцуют в эти годы в деревне.

Иногда в избу к девчонкам набиваются по две-три ватаги сразу. Одни уходят, другие приходят. Случается, что все ребята уходят, и девушки остаются одни. Нагулявшись, "проверив" все посиделки, "кавалеры" возвращаются к своим знакомым, а потом провожают их домой.

Посиделки часто продолжались за полночь. Девушки брали с собой еду. Девчат, среди которых была моя Клавдя, прозвали "кокурочны-

ми". Раз парни вытащили во время посиделок и съели все кокурки, которые девки принесли себе для ужина. Съели, да и частушку приклеили:

Посиделки просидели
И кокурки проглядели...

Веселья не занимать. Выдумывались и творились шутки, проделки. От таких шуток у оконфузившихся компаний начались и прозвища. Не только "кокурочные" девчата, были и "мучные", и "изюмные". Парни девчат незаметно мукой перемажут, вот и прозвище готово: "мучные" девки. Моя двоюродная сестра, Елена Ивановна, была среди "изюмных" девчат. У них ребята утащили тарелку вареныя. Вареныя из изюма. Съели его ребята, а девчат "благословили" прозванием: "изюмные".

Доставалось и парням от девчат. Ни одной ватаги без прозвища не было. Частушками налетали девки на ребят. Ребята отмалчивались, предпочитали больше танцевать, чем петь частушки.

В марте, в Великий пост, посиделки затихали... Снег таял. Солнце грело и грело. Ребята с гармошкой ходили по улочкам. Собирались на горе над речкой, на самом высоком месте, возле церкви. Цели, шумели.

После Пасхи (в апреле-мае — Н.В.) начинались вечерки. То же самое, что и посиделки, но собирались раз в неделю: по воскресеньям. Попасть на них могли не только взрослые парни и девчата, ровесники друг другу, но и помладше по возрасту. Пробирались сюда, чтоб "поглазеть", пугались под ногами и малыши. Заходил кто хотел. Двери настежь, окна открыты. Весна!

Девки в лентах, в вышитых сорочках, борках, брошках. Пляски, песни, разговоры. Вечёрки продолжались до Покрова. А среди недели, по вечерам, девки собирались у какого-нибудь двора, дома. К ним подходили ребята. Снова гармошка, частушки, веселье. Расходились под утреннюю зарюнку.

Такими были посиделки и вечерки с двадцатого по тридцать второй — тридцать четвертый год. В коллективизацию стали в селах открываться клубы, но там мы показывались редко. Да и то: оттанцуют, отступят девчата в клубе — и бегут на посиделки... И стыдили парней и девчат, особенно комсомольцев, и запрещали появляться на посиделках, но так и не отвಾದили. Не затухали они почти до пятидесятых.

В войну клуб закрывался. В послевоенную пору и в пятидесятых в нем больше зерно хранили. Даже фильмы показывать было негде, под открытым небом собирались зрители — то в школьном дворе, то во дворе пожарки. А молодости — свое. Приходили друг к другу — парни, девчата. Те же самые посиделки, лишь избу не ищемь да деньги не платишь.

Ну, а весной и летом опять приволье, для гулянья самое раздолье. Чуть стемнело, вечер — спешат стайками и шайками девки и парни на "пятячок". Танцы. В городах — танцплощадка, у нас — "пятячок". Просторная полянка возле школы или на горе над речкой. Баян, аккордеон или радиолка. Хоть и не похоже на наши вечерки, но расхлещены — тож на заре.

Подсмеиваетесь над собой ли, над стариной, когда говорите: "В клуб на посиделки пошли!"

Взглянул я раз, как веселится там. Несколько пар танцуют, остальные смотрят. С одной стороны, во всю стену, сидят девушки, по другую сторону — ребята, с баянистом в центре. Баянист отыгрывает — заводят проигрыватель или магнитофон. Замолчит магнитофон — черед баяниста. В-точь: большие посиделки. Всякому времени — своё, но у нас, мне кажется, было веселее.

Не вошел наш быт и лад в нынешний уклад. Но слово "посиделки" все же не забылось, не затерлось. В шутку хоть, а его вспоминались. И то ладно. В слове, а память о прошлой поре осталась.

Забавы казачков

Рассказ отца

За селом, на запад, раньше было очень много амбаров. Туда по вечерам собирался народ встречать коров из стада. Приходила больше молодежь. Собирались заранее, за час-два. Девки приодевались. В сарафанах, в лентах, поют песни. Парни тоже тут. Играют на гармошке, смех, шутки.

Надосет парням и девкам постарше ждть табун, уходят на носиделки или сидят у дворов. Взамен себя встречать коров оставляют младших братишек и сестренек.

У амбаров часто происходили драки. Дрались конец на конец.

В селе было два коня: примогильный, подходящий к кладбищу, и заопражний, ближе к речке. Между ними центральная, самая населенная часть поселка. В мужичьих селах дрались "на кулаках", в казачьих станицах предпочитали "пускалки": поясные ремни складывали вдвое, клали туда, в ремень, камень, свободные концы ремня захватывали в руки, раскручивали над собой, затем один конец отпускали — и камень летел очень далеко и с силой. Увечий было немало. Но такие "забавы" развивали ловкость, быстроту, глазомер. Эти качества казакам необходимы.

Начинали с самых маленьких. Ребят с разных концов села ставили между собой. Взрослые пока стоят в сторонке, не вмешиваются. Маленькие казачата начинают метать друг в друга камни. Один конец начинают одолевать.

Чуть заступиться за своих, вмешиваются ребята постарше. С противоположной стороны выходят их одноклассники. С того и с этого конца выступают все более взрослые парни. Младшие уже разбегались. Дело доходит до взрослых. Тут уже летят не камни, а булыжники. Дело булыжников, успевай только увертываться. Если попал камень, то или ребру конец, или челюсть вдребезги, или голова проломлена.

Центральным доставалось больше. Концы, чтоб одолеть средних, объединялись между собой. Но бывало и так: центральные побьют примогильных, гонят их в сторону, потом возвращаются и гонят заопражных из села к речке.

Вот такие были забавы у казаков вплоть до тридцатых годов...

Веселое

Рассказ старожилца

В каждом краю всяки и особы местечки есть. Бывает и место пустынно — ровноты, гладкости одна, и взгляду прилепиться не за что, — а найдется человек, усмотрит в нем какую-нибудь заковыривость, только этому человеку видную и понятную, да и окрестит с размаху. Глядь, уже у природы в этом месте и прозванье есть. И привяжется оно крепко к этому месту да ишло в поколения передаваться будет. Внуки, правнуки знать не знают, ведать не ведают: отчего местность родна, знакомка так зовется? — а название живет, будто всегда жило и было, как небушко, солнушко над нами, как все вокруг нас.

Крестили местечки прозваниями-прозвищами и по событиям, случаям разным. Приключится где-нибудь что-то, пустяково или важно, смешно или сурьезно — отметят это сразу люди для памяти, прилепят, приклеят, точно дадут имячко, привяжут сюда историю надолог. Из уличной гуляшшей клички оно и в документы перейдет, в бумаги, отметской в карты-планшеты законно зачислится.

Вот хотя б Веселое. Значшь, наверно, это местечко, бывал там? А отчего так прозывается, ведаешь? Для тебя, гляжу, всё давно. И не думал, конечно, никогда над этим. Исконок, мол, вовек так зовут. Брякнул кто-нибудь ни с того ни с сего, да и прозвал так. Или как трава придорожна — сама родилась, с именем на свет появилась, — так и с этим местом? Нет. У этого названия тоже прибаутка, своя история есть. Хошь, чтоб баюкал? Было это и не особенно, чтоб давно. Века этому прозвищу нет.

Земля станицшна, чернореченска, раньше обширна была, шла вдоль Урала, в широту до железной дороги, дальше не перемывалась. В сторону города заканчивалась хуторской землицей, граница — овраг, за которым сейчас совхозный поселок. Отсюда начинались помещицкими земли: Любимчихи, Зарыльцева. Земли помещикам жаловались за службу, а выделялись ближе к городу.

С другого конца от села — наш край. Тянулся далеко, уходил за долину (здесь опосле немцы хутора приселились), упирался в землю соседних казачьих станиц: по Уралу — в татищенски, по степи — в донецки наделы.

Благодатное местечко. Богата была эта наша окраинна земля: Урал — недалёко, дуга — под боком, лесочек есть. И речка здесь — по долинке течет извиивается, из бережков выглядывает: хоть сад сади, хоть огород разводи. Земля — чернозем один. Хоть пшеницу, хоть рожь — сей что хошь, полно соберешь.

Ушел этот обихожанный уголок от казаков. В смешном образе. Вот как получилось.

Объявился у наших казаков сосед, помещишк один. Земля его за разьездом вдоль железной дороги к нашей подходила — неухоженна, запущенна, никогда не обрабатывалась. Да и не торопился сосед наш обихаживать свой участок, всё выжидал, примерялся, приглядывался.

Сразу, видать, метил на нашу плодovitну окраину. Расчет держал точный — знал натуру казаков. Нашел момент — и подлакунился к нашему брату.

Казак народ гульбивый, удалой народ, выпить любил, и под хмельком много себе утерба сделал. Поставил ушый помещишк несколько велер волки правленью. И обменялись казак под весельем. Взяли степной прирезок за линией — к Бороденску, Донецку ближе, а этому удалую отдали плодородную землю. Очухались — поздно. Но казак ребята бравы, не порастерялись, не приуныли, что обминулись. Утруждаются не стали, чтоб принучить к плодородию степь-ковыль, целину.

У архангельских, ключевских, павловских жителей (они поже осели вокруг, к нам соседями стали) наделы были маленьки, корма скотины чуть хватало. А наша приволоченна земля привольным местечком оказалась, богата на траву. Бывало, выпустишь табун лошадей, а потом его неделею верхами иппешь, нигде не найдешь, — так просторно и волготно.

Вот соседи-то наши — ключевски, архангельски — перед сенокосом порой и сдут к нашим. Угошпают казаков, себе землю, уголья выговаривают. Не всё прогадали, как вишь, для души своей и нутра бравы казак все-таки выгадали. Удобно место для сделок и гулянья выбрали: ровное, дуговое, на горюшку выходит, внизу речка. Весь мир как на ладони виден — от зауральной низинной стороны до бродячих, донецких далеких гор. Гуляй не валишь, пей да нога держись.

И повелось с той поры здесь веселье твориться. Как сенокос — пьют казак, гуляют, куплю-продажу первую и распоследно делают. Весельем это место прозвали. От гульбиши вся земля утоптана стала, тверда, как камень, трешпиннами покрылась. О скору пору и трава там перестала расти, одно голое место. Уж потом на Веселом пахать стали. И селяи, но и трава с трудом выходила. Только к несонным дням — тулы-сюды, расти начала. Распневелилось чудок местечко, вспомнило себя, отдохнув от увеселений казаков.

Наш храм

Рассказ земляка

Село наше красиво. На удобном месте поставлено, на высокой горе, Дома ровнэхонько — один к одному, улицы и переулки как по линейке расчерчены. В стары времена атаман самолично указывал, где какому дому стоять. Без его указы ни один колышек не зыбьшь. Со старых времен и сейчас при строительстве того обычая держимся. Строится если новый дом, за установленну границу, на которой стоят все дома, не перешагнет.

Глянешь на село с Городской горы — и радуешься: домики, улочки, переулки как на плане стоят. А на самом бугре церковь — белокаменная, двухкупольна, высоко кресты в небушко закинуты. Над самым обрывом горы, над речкой стоит. Всю краю селу приидет. Без нее село и не гляделось бы: так себе, безика деревня, да и всё.

От села нашего до города верст двадцать будет. Раньше-то все на версты меряли, а версты гнали лошадами. Это сейчас автобусы да поезда — раз скакнут, что глазом моргнуть. А тогда: быстро рассказывать сказки, да дорогу проедешь не сразки. Выедешь из города, только отъедешь, взберешься на перву гору — и вот она, красавица церковь. Издалёка, сквозь дымки голубые, за семью долами, за семью горами проявляется, просматривается. Куполами поблскивает, манит, зовет к родному очагу.

Лошадь бойко бежит, дорога прямо лежит, тарантас покачивается, потряхивается, — катит и катит всё ближе к дому. Отовоеду церковь видна — ни в зиму, ни в лето с дороги не собьешься.

На Урал, бывало, с почёмём выйдешь. До села не две-три версты, побеле будет. Дождешься у костерка утра. По заре утренней, по первому солнушку вода нарумянится — тихая, глаже зеркала. А в ней отражается, как видение воздушное, красавица наша: издалёка, с горы, через луга. Белостенная, со всеми ставенками, окошечками, крестами — вся до мелких подробностей в воде отражена, нарисована. Сидишь, любишься, удочку забрасывать не хочется — трюжишь покой, радость. Видеть повыше солнушко, грянет над лесом — исчезнет видение, наваждение, отраженная в воде цёрквушка.

Старики бают: по ошибке такой благолепный, красивый храм в нашем селе построили. В городе должны были ставить, в форштате. Служали строители чертежи: церковь, что стоит в форштате, в нашем селе должна стоять, она помельче и победнее видом. Наши казаки на то не пожаловались, не в обиде остались, что чертежи попутаны. А мы, по томки их, на церковь глядя, радуемся.

Долго, говорят, ее строили. Многие тыщи ушли. Строила богатая купчиха. На ее деньги храм подымали. Стены выкладывали кирпичом: большим, отборным. Связывали, лепили кирпичи на яичный раствор, потому теперь весь храм — как один кусок. Пытались, когда на церкви властями нападенье шло, растащить ее тракторами. Дак какое там! Ни один кирпичик не вывернули, ни один уголок не потрвожили. Как стояла, так и осталась стоять, не пошлохонулась. Ладно, злодейски головы не долудались ее динамитом свернуть, как в городах это делали. Зерно в ней хранить стали. Может, поэтому и осталась-то цела по нашу пору.

Обрачались в город, к ученым, просили, чтоб взяли ее под охрану, как старинный памятник, музей оборудовали. Да ответили, что церковь не старинна, в охране не нуждается. Есть, мол, памятники подреннее, поважнее.

Что ж, им виднее. Они знатоки, ученые люди — за знания у каждого звание. Могут мерки свои давать, объяснять: что ценно, а что драгоценно. Но понять, поверить в это всё ж мы не можем. Наша церковь дорога тем, что есть она у нас, красу показывает и в нас ее поддерживает. Любуемся мы своим храмом. Верим, что придет пора, когда заговорят поднятые вновь на звоницу колокола, огласят родную окрестность, позовут народ к отчему укладу. Заживет, задышит страна на службу людям и Богу.

Владимир Семенов

Мякутины

История рода

Род Мякутиных — из самых славных в Оренбургском казачьем войске. Начало свое берет от самарских городских казаков (т.е. составляющих гарнизон города Самары), появившихся на Волге еще в XVI в.
В начале XIX в. самарские городские казаки были переведены на Оренбургскую пограничную линию. Те из них, что осели по реке Уралу, стали именоваться Мякутины; другие же, обосновавшиеся по берегам Илека — Мякутины (в Самарской и Сибирской губерниях мякота, по В.Далю, "пахатая земля, поле, с косяю сжат один хлеб").

Александр Иванович, дед

Родоначальником оренбургской ветви Мякутиных стал Александр Иванович Мякутин. Родился он в 1814 г. в Самаре, по рос в станице Угольной на Новоилепкой линии, куда переселились его родители.

Александр Мякутин получил хорошее образование, поэтому, когда ему исполнилось 17 лет, был определен в типографию штаба отдельного Оренбургского корпуса Оренбургского казачьего войска (ОКВ). Затем служба во 2-м полку, в хозяйственном отделении штаба отдельного Оренбургского корпуса, в типографии ОКВ, в кордонной (пограничной) службе Оренбургской линии.

В отставку Александр Иванович вышел в 1878 г. в чине войскового старшины. Награжден орденом Святого Станислава 3 степени, медалью "В память Крымской войны 1853—1856 гг".

После себя оставил трех сыновей: Николая, Ивана и Петра.

Иван Александрович, отец

28 октября 1845 г. у урядника Александра Мякутина родился сын, названный в честь деда Иваном.

Получив домашнее образование, Иван, как и отец, был в 17 лет определен в Оренбургское казачье войско — во 2-й полк, несший в то время кордонную службу во 2-й дистанции. Здесь молодой казак за отличие в службе получает свой первый чин урядника. В 1864 г. следует перевод в Войсковое дежурство (штаб ОКВ), в 1868 г. — в 5-й пеший казачий батальон. Затем хорунжий И. Мякутин в составе этапного батальона направляется в Туркестанский военный округ.

В конце 1872 г. И. Мякутин, к тому времени уже сотник, принимает под командование 8-ю Оренбургскую казачью сотню и участвует вместе с ней в Хивинской экспедиции.

Вернувшись в Оренбург после 1873 г., Иван Александрович за отличие в боях и "за труды, понесенные в Хивинском походе", награждается орденом Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом, орденом Святой Анны 3 степени с мечами и бантом и медалью "За Хивинский поход 1873 г".

С весны 1874 г. по осень 1875 г. есаул Мякутин вновь находится в Туркестане, где вначале исполняет обязанности полкового адъютанта, а затем командира 1-й сотни.

В третий раз есаул Мякутин направляется в Туркестан в мае 1877 г. и в составе 3-го О.к.п. участвует в последнем походе к Бухарской границе (после этого состоялся летом 1878 г.).

В 1888 г. войсковой старшина (с мая 1884 г. — подполковник) И.А. Мякутин попадает под суд за двукратное превышение власти: Окружной суд ограничивается выговором.

В отставку И.А. Мякутин выходит в начале 1891 г. — в чине полковника и с сохранением мундира. Умирает в 1916 г. от рака горла.

Из воспоминаний Галины Сергеевны Вербицкой, его внучки¹⁾:

“Бесконечно долго мы были в затененной гостинной, все говорили шепотом, а детям вообще приказали молчать. По очереди все ходили прощаться с дедушкой. Было много родственников, казаков-соседей-цев, товарищей и соседней...”

После себя Иван Александрович Мякутин оставил сыновей Александра, Георгия, Сергея, Николая и дочерей Софью, Ольгу, Елену.

Братья Мякутины

1. Александр Иванович

Родился в городе Омск 4 октября 1876 г. Окончил Неплюевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище в Петербурге, где за успешную учебу производится, будучи еще юнкером, в унтер-офицеры.

По окончании в 1897 г. полного курса училища по 1-му разряду произведен в хорунжи и направлен в 1-ю Оренбургскую казачью батарею, расквартированную в Миргороде.

В 1901 г. адъютант командира Оренбургской казачьей конно-артиллерийской бригады, сотник Александр Мякутин становится действительным членом Оренбургской Ученой Архивной Комиссии (ОУАК). В дар ОУАК он передает сборники документов и материалы по истории ОКВ²⁾, рукописную книгу, содержание которой представляет несомненный интерес для специалистов по литургиике.

Всё свое свободное время А. Мякутин посвящает собиранию песен оренбургских казаков. Плод его самоотверженного труда — четыре тома песен³⁾, собранных по всем станциям нашего казачьего войска.

В 1905 г. подбесаул А. Мякутин поступает в С.-Петербургскую Александровскую военно-юридическую академию и через не-

Александр Иванович Мякутин. После окончания С.-Петербургской Александровской военно-юридической академии

которое время, увлекшись идеями революционных преобразований⁴⁾, едва не оказывается под судом военного трибунала. Спас его начальник штаба ОКВ генерал-майор Ф.Ф. Таубс⁵⁾, хорошо знавший Александра Мякутина и не давший хода документам, поступившим к нему от генерал-майора Ф.М. Старикова⁶⁾.

В 1908 г. А. Мякутин благополучно выпускается из академии с одно-временным производством в есаулы. До 1910 г. он — кандидат на военно-судебную должность при Петербургском военно-окружном суде, с 1910 г. — военный следователь в Ташкенте.

В 1913 г. А. Мякутин — уже подполковник, помощник прокурора Туркестанского военного округа. Несмотря на загруженность, на частые командировки, увлекаясь изучением правовых норм народов Средней Азии и результатов своих наблюдений публикует в центральных журналах. Не оставляя отны и исследований по истории оренбургских казаков. Так, например, в 1914 г. уходящие на фронт казаки получали маленькую книжицу: “Боевые заветы казаков”. Эти заветы собраны Александром Ивановичем.

Не прерывается и живая связь с родной землей... Когда, после переименования Петербурга в Петроград, Оренбургская городская дума также начала подбор подходящего названия для города (варианты были такие: Орендар, Неплюевск, Славяногеоргиевск, Сакмаро-Уральск), А. Мякутин присылает и свои предложения. Затем, в смутные дни 1917 г., юрист и следователь А.И. Мякутин фактически становится атаманом для сотен и тысяч казаков, оказавшихся вдали от родины во враждебном окружении. Поэтому не случайно, что его наравне с А.И. Дутовым выдвигают кандидатом в Учредительное собрание.

Последняя должность А.И. Мякутина — военный прокурор Туркестанского военного округа.

Из воспоминаний Марии Александровны Диксон, его дочери⁷⁾: “...объяс был в начале 1918 г. Папа в войнах никогда не участвовал, но у него была коллекция оружия. Папа при обыске оружие отдал, но две именные шапки ему оставили, и мама, уезжая в 1921 г. в Петроград, зарыла их в саду.

6 мая 1918 г. папа вернулся из очередной командировки. В это время была эпидемия холеры. На другой день, вернувшись со службы из сада, сказал маме: “Маня, у меня начинается холера”. А 8 мая в шесть часов утра папа умер. Нам, детям, мама сказала: “Так, видно, Богу угодно”. И мама, наверное, говорила правду, ведь потом убивали военных царской армии прямо на улице. Так был убит мой крестный отец.

По-моему, последний чин отца был генерал-майор...”

Холерных не давали хоронить. Но военнопленные австрийцы, которые хоронили, за деньги и золото одели папу в его парадную форму и поставили гроб в часовню. А 10 мая, как помнится, по-православному — со священником, и дьяконом, и хором, через весь город проводили нашего папу в последний путь. И остались мы, шестеро детей в возрасте от года до десяти лет, сироты.

В пениси, уже советская власть, маме отказали, и мама больше никуда уже не обращалась за помощью. И вырстила нас мама пятерых детей с помощью своей сестры и Бога (*дочь А.И. Мякутина, Вера, родившаяся в январе 1918 г., умерла в августе того же года. — В.С.*)

До сентября 1921 г. мы жили в Ташкенте, а потом переехали на родину мамы в Петроград. Здесь помогали маме нас вырастить также и священники: один — отец Алексей из единоверческой церкви (папа был

единоверцем), а второй — отец Владимир из церкви Спаса-на-водах. Эта церковь была построена в честь русско-японской войны, а в 1939 г. ее взорвали, и отец Владимир был расстрелян...» 8)

Все эти годы в семье Мякутиных бережно хранились книги отца, и самым большим желанием Марии Александровны было передать их на его родину, в Оренбург. В 1994 г. все четыре тома (два из них — в подарочном исполнении: сафьян, золотой обрез) были через К.А. Шейну переданы областной научной библиотеке им. Крупской.

2. Георгий Иванович

Трагична и судьба второго из братьев Мякутиных — Георгия Ивановича, родившегося в 1883 г. О нем известно, что в 1917 г. он в чине есаула служил в Оренбургском Казачьем училище, а в 1919 г. оказался вместе с ним в Иркутске.

Из воспоминаний Марии Александровны Диксон:

“В Иркутске он заболел сыпным тифом. Не успев поправиться, заболел вторично. После рецидива его разбил паралич, отнялась вся правая сторона: рука стала, как плеть, и нога волочилась. Кормила его жена, Мария Васильевна, она пошла работать почтальоном. Мария Васильевна была дочь очень богатых казаков Сильновых, в гостиной их дома все стены были завешаны фотографиями в рамках племенных быков, которых Сильновы разводили и вывозили на международные выставки и за которые они там получали призы. Быки на фото были увешаны наградами на широких лентах...”

После Иркутска Георгий Иванович с женой жили в Джамбуле, но потом послали под Барнаул. В колхозе “Первомайское” они купили на краю огорода баньку, в которой и дожили свой век. Мария Васильевна работала здесь счетоводом в колхозе. Прожив 70 лет безрадостной жизни (последние 30 лет), в 1952 г. Георгий Иванович скончался.

3. Сергей Иванович

В семье Ивана Александровича Мякутина Сергей был третьим сыном. Мальчик рос любознательным, мечтал стать казачьим офицером, как его отец и старшие братья Александр и Георгий.

Жила семья отставного полковника небогато, и детей с детства приучали к труду. Сергей нянчил младшую сестренку, мыл полы в большом двухэтажном доме, но особенно гордился тем, что помог оренбургскому музею собрать коллекцию птичьих яиц, обдавив из-за них множество деревьев по берегам Урала. В школу не ходил, но знания в объеме начальной школы получил — у одного из оренбургских священников.

Сергей Иванович Мякутин.
После окончания Михайловского
артиллерийского училища

С 1895 г. Сергей Мякутин — кадет Оренбургского Неплюевского корпуса, с 1902 г. — юнкер Михайловского артиллерийского училища. Учился он здесь так хорошо, что его фамилия была выбита золотыми буквами на мраморной доске училища.

Перед Первой мировой войной молодой офицер-артиллерист нес службу в казачьих батареях, расквартированных в самых разных городах Империи (Миргороде, Оренбурге, Баре, Троицке, Керки), а с ее началом в августе 1914 г. прибывает на фронт в действующую армию. Воевал в составе 3-й и 5-й Оренбургских казачьих батарей (3-я батарея входила в состав 2-й сводной казачьей дивизии генерала Жигалина).

За год боевых действий С.И. Мякутин получил четыре боевые награды и Георгиевское оружие — “за то, что в бою 16 января 1915 г. при наступлении из Чарны на Луговинское отряда генерала Поповича Липована, по приказанию начальника главных сил выехал с двумя взводами батареи на открытую позицию к авангарду, где встал в 600 шагах от противника под оружейно-пулеметным огнем, и меткой стрельбой своих взводов нанес неприятелю решительное поражение и дал возможность пехоте перейти в наступление и выбить противника с занимаемой позиции”.

В октябре 1916 г. на Юго-Западном фронте формируется 8-я Оренбургская казачья батарея, командовать которой назначают С.И. Мякутина. Среди боевых частей Особой армии в 1917 г. она была одной из самых лучших. Командующий армией генерал Стелъницкий писал: “У меня от 150 тысячной армии теперь только два полка и две батареи — это Волжский и Линейный (Кубанские) и 1 и 8 Оренбургские казачьи батареи”.

В декабре 1917 г. 8-я батарея вместе с 15-м полком и с орудиями прибывает через Саратов и Уральск на Оренбург (сюда удалось пробиться еще и 11-му полку), а 26 августа 1918 г. приказом Войскового атамана А.И. Дутова войсковой старшиной С. Мякутин назначается старшим преподавателем артиллерийского отделения Оренбургского Казачьего юнкерского училища (еще были открыты пехотное и инженерное отделения).

В конце 1918 г. вместе с отступающей группой генерала Л. Тимашева семья полковника С.И. Мякутина покидает Оренбург.

Из воспоминаний Галины Сергеевны Вербиной, его дочери:

“...По ночам, уложив все ценные вещи в сундуки, зарывали в сарае и каретнике (отец держал лошадей). С собой взяли только все необходимое. Также ночью, не зажигая электричества, не производя шума и говоря шепотом, мы тихо вышли из дома. Была очень темная звездная ночь. Меня положили в деревянные сани, и родители сами прилегли около меня. Жили в Верхнеудинске и Иркутске”.

С 17 декабря 1919 г. С.И. Мякутин состоял на учете при Иркутском военном комиссариате, с марта 1920 г. по январь 1923 г. находился по мобилизации в 5-й Краснознаменной армии на должности начальника формирования и обучения при инспекторе артиллерии армии. В это же время был главным редактором журнала “Военно-политическая жизнь” и преподавателем военной школы комсостава.

Жизнь в Верхнеудинске и Иркутске начала 20-х гг. была тяжелой, несколько раз С.И. Мякутин сидел в тюрьме. Страшные события голодной 1921 года. Жена помогала мужу как могла, в том числе и мытьем полов в одном из учреждений⁹⁾.

После Иркутска семья Мякутиных переехала в Читу, а в 1923 г. —

в Хабаровск. Сергей Иванович устроился здесь на службу в Дальцентрсоюз и одновременно преподавал в финансовом техникуме.

Из воспоминаний Галины Сергеевны Вербицкой:

"В Хабаровске я училась в платной хозрасчетной школе (для бывших), в государственные нас не принимали. Не приняли меня и в финансовый техникум, где преподавал отец. Принимали туда по анкетным данным, а не по знаниям. Ежегодно у отца на работе проводились "чистки госаппарата". Уверенности в завтрашнем дне не было.

В 1931 г. китайцев объявили шпионами. Начались аресты и русских. Китайцев с Дальнего Востока выслали, а на них держался весь сервис. Они возили по домам воду, разносили овощи и другое с базара. Лучшие парикмахерские, прачечные, швейные мастерские и т.д. были только китайские. Для отца создалась небезопасная обстановка. Мы переехали на жительство в Ленинград".

В Ленинграде Сергей Иванович занял достаточно ответственный пост начальника финансовой части Севзапсоюзга, опубликовал книгу "Практическое руководство по бухгалтерскому учету для первичных кооперативных системы райпотребсоюза". Казалось бы, всё в его жизни налажилось. Но после убийства Кирова С.И. Мякутина арестовывают и приговаривают к 5 годам лагерей как социально опасного элемента. Следом выслают и его жену¹⁰.

Из воспоминаний Галины Сергеевны Вербицкой:

"Я очень переживала судьбу родителей, зная их невинность. Летом 1935 г. я поехала в Москву хлопотать, хотя уверена была в бесплезности этого, т.к. в то время никого не миловали. Приговоров не смягчали, а наоборот, добавляли. В то время этими вопросами (о помиловании) занимались Пешкова¹¹ и Крупская. Попасть к ним на прием было невозможно. Толпы страдающих людей собирались у той и другой с надеждой чего-то добиться. И вот я походила несколько дней без результата к той и другой.

Но в приемной у Пешковой однажды подошел ко мне молодой человек и заинтересовался, по какому делу я тут. Он отвел меня в сторону, посмотрел документы и сказал, что заявление написано неправильно и что оно не поможет. Договорились встретиться на другой день в сквере Большого оперного театра. Моя теть, сестра отца, восприняла это позорительно и отпустила меня в сопровождении своей дочери — моей двоюродной сестры. Мы встретились, он написал заново мое заявление и дал местный телефон Лубянки и фамилию, кому звонить.

На другой же день я поехала в этот страшный дом. В вестибюле расхаживали сотрудники НКВД. У стены ряд буюк с местными телефонами. Я позвонила, назвала свою фамилию. Мне принесли пропуск, и я, еле живая от страха, поднялась на лифте.

В кабинете меня ждала пожилая женщина. Я стала доказывать честность и порядочность отца, не принесшего вреда Советской власти. Она, слушая меня, ходила по кабинету, и когда увидела, что я готова расплакаться, вдруг подошла ко мне, погладила по голове и сказала: "Я помогу вам". Всё это было сказкой. Вскоре отца освободили из лагеря, заменив срок ссылкой. Как вольнонаемный, он стал работать в Карагандинском исправительно-трудовом лагере в Чурутай-Курганском отделе начальником финансовой части, и примерно через год, в июне 1938 г., ему разрешили продолжить ссылку в Челябинск.

На лагерную жизнь отец не жаловался. Это был не север и не деспот-

вал. Работал он по специальности. Но очень тяжелым был путь в лагерь (длиннейший более месяца) этапом в персональной телушке. Кормили сельдью, пить не давали, как, впрочем, и спать. С июня 1940 г. по ноябрь 1944 г. папа и мама жили свободными поселенцами в Джамбуле, а еще год — в поселке Баранча Свердловской области". После окончания войны муж Галины Сергеевны забрал ее родителей к себе в Ленинград, он считал, что полная семья — это когда в ней есть старики.

Из воспоминаний Галины Сергеевны Вербицкой:

"Но прошло только несколько месяцев, как пришел милиционер высылать их и опять в трехдневный срок. У мужа нашлся знакомый из начальников в МВД, еще со школьной скамьи. Он пошел к нему на прием. Его товарищ официально, конечно, ничего в то время не мог сделать, сам бы пострадал, но он нашел выход: позвонил начальнику милиции нашего района и попросил "не трогать" моих родителей. Таким образом, отец с матерью остались в семье, но спокойно спать мы не ложились....

16 июня 1957 г. отец наконец-то был реабилитирован — "за отсутствием состава преступления".

Сергею Ивановичу Мякутину назначили крохотную пенсию, которой им с женой едва хватало на лекарства. По словам близких родственников, он отличался великолепной памятью, был прекрасно читателен, его называли "наша домашняя энциклопедия". В свободное время читал Евангелие, которое держал в тумбочке у кровати.

Умер Сергей Иванович в 1966 г.

4. Николай Иванович

Младший из братьев Мякутиных Николай родился в 1889 г. Участвовал в Первой мировой войне, отмечен боевыми наградами. Был женат на польке, и в 1923 г. вместе с ней и с сыном Олегом (р. 1919 г.) уехал в Польшу. Жил там под фамилией жены.

После Второй мировой войны связь с ним обрывается.

Примечания

1. Вербицкая Галина Сергеевна (род. 1913 г.) — дочь Сергея Ивановича Мякутина, брата Александра Ивановича, собирателя песен оренбургских казаков.

Вербицкий Сергей Николаевич (1907—1987) — инженер-полковник Военно-Морского флота, ученый, за изобретательскую деятельность в 1951 г. удостоен Сталинской премии. Муж Галины Сергеевны.

2. Александр Иванович Мякутин передан в дар ОУАК два сборника. В первом — рассказы "Степан Кузьмич Саталкин", "Хивинский пленник", "Рассказ Никиты", множество документов. Во втором — документы по истории 1-й Оренбургской казачьей батарее.

3. "Песни оренбургских казаков" в 4-х тт. изданы в Оренбурге в 1904—1910 гг. (четвертый, последний, том — в С.-Петербурге) и посвящены Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу. Позже трехтомное собрание песен оренбургских казаков "с напевами" издал Ф.Н. Баранов.

4. В 1905—1906 гг. А.И. Мякутин рассылал своим землякам письма, в которых призывал к реформам в Оренбургском казачьем войске. Суть реформы изложена из следующего документа:

№ 18. Копия с отъезда Оренбургского Губернатора от 23 марта за 1906 г. за № 478 на имя И.Д. Наказного Атамана Оренбургского казачьего войска.

Препровождая при этом на благоусмотрение Вашего Превосходительства рапорт Верхнеуральского уездного исправника от 2 сего марта за № 35 о распространении противоправительственных идей Поддесаудом А.И. Мякутиным, урядниками Филиппом Ефимовым и Иваном Некеровым. Подписали И.Д. Губернатора Вице Губернатор Эверсман и правитель канцелярии Ив. Половоротов.

Копия с секретного рапорта Верхнеуральского уездного исправника от 2 марта 1906 г. за № 35 на имя господина Оренбургского Губернатора. Из произведенного приставом 1 стана негласное дознание, представленное мне 26 февраля сего года, усматривается, что начиная с Ноября месяца 1905 г. ур. Магнитного поселка Филипп Денисов Ефимов завел письменные сношения с живущим в Петербурге поддесаудом Александром Ивановичем Мякутиным. Начало переписки положил сам Мякутин и ему, взаимно, отвечал Ефимов, темой же послужил Высочайший манифест от 17 октября 1905 г. Так как Ефимов сам недостаточен развит и грамотен, то он, для ведения этих письменных сношений, пригласил писаря Магнитного станичного правления ур. Иванъ Сергеева Некерова. Получаемые с почты письма Мякутина Некеров прочитывал в канцелярии станичного правления в присутствии писарей, а иногда и посторонней публике. Всех писем было получено от Мякутина 9-ть. С двух из этих писем Некеров снял текстовый способом копии, разослал их по другим станциям, адресуя атаманам станиц, в надписи же своей Некеров советует предьявить петицию о нуждах казаков и присоединиться к требованиям, выраженным в петиции казаков Магнитного поселка. В письмах Мякутин разъясняет, что после Манифеста от 17 Окта. 1905 г. казаки могут свободно говорить о начальстве и даже о правительстве; советует добиваться самоуправления, уст-

ройства войсковых больниц, выборного состава комиссии по приему обмундирования казаков; хлопотать о том, чтобы Уральцы разогнали учт. дабы рыба могла идти вверх, просить об устройстве сельскохозяйственных школ, в этом же письме просит передать эти вопросы в другие соседние станицы и сообщает, что об этом он написал Начальнику войскового штаба генералу Таубе. Во втором письме Мякутин между прочим пишет, что не надо смотреть на начальство и жалеть его приказаний, Россия рушится и важно знать, что скажет народ своими устами, а не устами начальства. "Теперь начальство само не знает, что делать, оно растерялось. Посмотрите хотя на наше наказного атамана. Старик он, кажется, разумный, но и то так струсил в Октябре, что дал революционерам казачий оркестр и наши казаки ходили по Оренбургу с красными флагами". Далее пишет: "Теперь поговорим о мобилизации полков в мирное время. Это дело немалое не ладно: солдат запасных отпускают, а казаков мобилизуют. Почему мы одни должны отдуваться? За то, что мы служили? Ну что ж, слава нам. Но опять отчего же мы одни? Против всей земли мы идти не можем, полицейская служба для казаков должна быть ненавистна и позорна. Казак воин, а не пацан полицейский. Радоваться при мобилизации нечем. Мы сами себе рои могли, только ненависть народа мы получим в награду". "Надо показать, что казачье население не существует таким мобилизациям. Теперь землей будет главным образом править не Царь, а народ, и нам придется отвечать перед народом". Затем, давая советы по вопросу о выборах в Государственную Думу, Мякутин пишет: "республиканца, социал-демократа, монархиста (за самодержавного Царя) не надо. Нужно, чтобы депутат стоял на почве Манифеста 17 Октября, а то, если буди самодержавие, чиновничество опять нас оплетет и мы ни влад ни вперед. Теперь самодержавие только у турок да у персов, нас и побии в японской войне только потому, что чиновничество, да самодержав-

ние". С писем этих посредством текстографа были сняты копии и заверены Некеровым, который подписал копии так: Устроитель собрания урядник И. Некеров. 12 Декабря 1905 г. с разрешения помощника атамана 2-го военного отдела г. Кузнецова, писарем Некеровым, без ведома полиции, в помещении мужской школы было устроено частное собрание жителей казачьего сословия пос. Магнитного, на каковом собрании было до 150 человек. Тут Некеровым был прочитан Манифест от 17 Окт. и заранее составленная им же, Некеровым, петиция с общей просьбой о нуждах казачества. Рапортом от 25 Января с.г. пристав 1 стана донес, что через Магнитное почтовое отделение из Петербурга от неизвестного лица на имя того же Некерова, простой бандеролью прислано 10 книг: 1) СУД И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ, издание редакции журнала "Русское Богатство", 2) ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ, "в борьбе обрешешь ты право свое", издание книгопечатни "Труд и поляка", 3) ПРОЭКТ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ЗАКОНОВ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ПАРЛАМЕНТ, изд. "Донской Речи", 4) СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ СОЛОМОНЕ, изд. "Донской Речи", 5) ПРАВИЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ВЫБОРОВ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ, изд. "библиотеки для всех", 6) ПРИГОВОР СЕЛЬСКОГО СХОДА, "в борьбе обрешешь ты право свое", книгоиздательство "Колокол", 7) О НАЛОГАХ, книгоиздательство "Труд и воля", 8) НОВОЕ КРЕСТЬЯНСТВО, "в борьбе обрешешь ты право свое", книгоиздательство "Колокол", очерки деревенских настроений; а) по поводу неспокойной, б) крестьянский съезд в Москве, 9) ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ, "в знании и борьбе — сила и право" книжного магазина Глебова, и 10) ВСЕРОССИЙСКИЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЮЗ. Постановление крестьянского союза, изд. север. област. бюро. Получив с почты эти книги, Некеров 20 Января тактовое представил полицейскому уряднику, а от последнего, через пристава, поступили ко мне. На одной

из книг — "Рассказы из русской истории" на крышке имеется надпись чернилами "М.Е.Людков". По произведенному приставом 1 стана обыску в квартире Некерова ничего не оказалось и представлены им: два экземпляра печатного издания "Союза 17 Октября", пять номеров газеты "Призыв" и три номера газеты "Военный голос", а также Некеровым выдано особо заведенное дело, в котором подшиты письма Мякутина, копия петиции и несколько брошюр. В отношении высланных 10 книжек и номеров газет Некеров объяснил, что такие ему высланы почтой, но таких он не выписывал и кем оно прислано не знает. Письменные сношения с Мякутиным от имени ур. Ефимова вел по просьбе последнего, по его же просьбе писал копии писем и рассылал по соседним станциям. 12 Декабря 1905 г. собрание в помещении училища было устроено с разрешения помощника атамана 2-го военного отдела. Ур. Филипп Ефимов объяснил, что письма к нему Мякутин стал писать без всякого с его стороны повода, с ним он не знаком и ранее не встречался. В ответ на письмо Мякутина и он, Ефимов, два раза писал Мякутину, прося кое-каких разъяснений в духе Манифеста 17 Окт. Доноса о вышлеженном, докладывая, что должное дознание пристава со всеми приложениями одновременно с ним представлено прокурору Троицкого Окр.Суда и донесено об этом Прокурору Саратовского Судебной Палаты, сообщено Помощнику Начальн. Оренб. Губернского Жандарм.управления в Троицком и Верхнеуральском уездах. Подписал уездный исправник Ев. Меликхов.

С подлинным верно:
Вр.И.Д. Начальника Штаба Оренб. каз.войска

Поддесауд
(подпись неразборчива)
5. Таубе Федор Федорович (1857?) — барон, генерал-лейтенант. Окончил 2-ю С.-Петербургскую военную гимназию, 1-е Павловское военное училище и Академию Генерального штаба по 1-му разряду. В военной службе с

1875 г. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., награжден 8 российскими и 7 иностранными орденами. Почетный гражданин города Сано Баия в Сербии. В 1889-1899 гг. — военный агент в Бухаресте и Белграде, в 1903-1906 гг. — начальник штаба, Наказной атаман Оренбургского казачьего войска, в 1906-1909 гг. — командир отдельного корпуса жандармов, в 1909 г. — Наказной атаман Донского казачьего войска.

Атаману 2-го военного отдела того же войска 27 Февраля 1906 г.

Милостивый государь
Федор Мигрофанович.

Рассмотрев письмо Ваше от 16 Февраля с.г. за № 130 не могу не согласиться вполне с целесообразностью принятых Вами мер. И я полагаю, что крайне неосторожное письмо Подьесаула Мякутина может быть совершенно превращено истолковано казаками, коим трудно отдать себе отчет во всей несообразности тех действий, которые молодой и неопытный офицер считает почему-то для войска и казаков вообще полезными. Ввиду этого прошу Ваше Превосходительство, не придавая этому излишней огласки, изъять из обращения, буде оно разошлось по станциям, копии с писем Подьесаула Мякутина. Вместе с тем было бы крайне желательно разъяснить населению права и обязанности казачьего населения, вытекающие из Манифеста 17 Октября дабы письма, подобные приложенному к Вашему письму за № 130, встретили бы в населении полное сознание их нелепости. Мною приняты меры к тому, чтобы немедленно была прекращена переписка Подьесаула Мякутина с лицами казачьего сословия на политические темы. О последующем прошу не отказать меня уведомить, а также прошу о доставлении той петиции Магнитной станции, о которой говорится в Вашем письме. Прошу принять уверение в совершенном моем почтении.

Бар. Таубе.

б. Стариков Федор Мигрофанович (1842—1911) — генерал-майор, атаман

2-го военного отдела ОКВ. В службе с 1860 г. Участник Туркестанских походов, кавалер многих российских орденов. Автор многочисленных работ по истории Оренбургского казачьего войска, в том числе 3-х книг. Действительный член ОУАК с 1889 г.

7. За год до окончания академии Александр Иванович Мякутин женился на Марии Николаевне Соколовской (1880—1942), дочери сытного полка. От этого брака у А.И. Мякутина было шестеро детей, в том числе дочь Мария Александровна (р.1910), чьи воспоминания мы приводим.

Диксон Борис Лукич (1910—1979) — муж Марии Александровны. О нем она пишет:

“Фамилia мужа шотландская, и дед мужа приехал в Россию в начале XIX в. преподавать в лицее. Брат дед, Оскар Диксон, богатый шведский купец, в 1875 г. снарядил наусник для исследования в Северном Ледовитом океане. На этом судне шведский профессор-геолог А.Э. Норденшельд достиг Енисейского залива и открыл остров, названный впоследствии “остров Диксона”.

8. Большую помощь оказывал Марии Николаевне и товарищ Александра Ивановича Мякутина Алексей Александрович Ухтомский — князь, преподаватель Петроградского университета, автор многих монографий и учебников, академик Академии наук СССР с 1935 г.

Из воспоминаний Марии Александровны Диксон:

“Умер он в блокаду Ленинграда в 1942 г. Вот он помогал материально маме растить нас, 5-х детей. В блокаду похоронил мою маму и сестру. Предлагали его вывезти самолетом (из блокадного Ленинграда. — В.С.), но он отказался, а потом и сам умер. Могла этого ученого, к счастью, сейчас находится под охраной государства.

Все мы, пятеро, получили среднее образование. Дальше нам учиться не дали, как чуждому элементу (так нас называли в те годы). Старшая сестра за церковь отсидела в лагерях 15 лет, ослепла и умерла уже в 1991 г.”

9. Юлия Владимировна Ретина (1883—1962). Окончила Оренбургский Николаевский институт благородных девиц. Дочь генерала В.А. Ретина, погибшего в гражданскую войну.

Из воспоминаний Галины Сергеевны Вербицкой:

“Дедушка переселился в олежду рабонего, на память сунул в голенище сапога свои генеральские погоня. На одной из станций он вышел из вагона за книжком. Во время ходьбы из голенища показался погон, красноремне, нахлывшийся на перроне, увидел это, тут же его застрелил”.

10. Из воспоминаний Галины Сергеевны Вербицкой:

“Мою мать в трехдневный срок выслали в Иргиз, меня от высылки спасло замужество... В начале не заинтересовались, что такое Иргиз. Мамá была в ужасном состоянии, и муж отправил меня вместе с мамой, чтобы ее устроили на месте высылки. На Московском вокзале подавали целые составы спешназначения до определенной конечной станции остановки, вне расписания поездов. Вагоны забивали до отказа. Верхние места заполнялись детьми, взрослые устранились где попало, все проходы были забиты узлами и людьми. Выйти в туалет не было возможности, дышать было тяжело. На каждой станции поезд встречали санитары с носилками. Вы-

носили мертвых и инфарктников, зачистую мать забирала, а дети малые оставались в вагоне. Крики, плач, стоны до сих пор вспоминаются... С нами на чемаданах сидел аристократ из бывших морских офицеров, он нам с мамой спас жизни. В те годы Иргиз был перевалочным пунктом для чабанов, в степи, — примерно 350 км от железной дороги. Несколько составов с людьми, высланными туда, перевозили автотранспортом и выгружали в степи под открытым небом. Никто оттуда не вернулся... Наш сосед сумел договориться с провоищиком, и тот ночью вынул нас из вагона в городе Оренбурге по другую сторону перрона. Два дня через Оренбург шли спешноезда на Иргиз, Тургай и другие места... Мы прятались эти дни. На третий день наш спаситель вновь договорился с провоищиком обычного поезда, и нас довезли до станции Челкар. На этой станции было только локомотивное дело, но и там работы никому не было и жить тоже нелегко, три коротких улицы с глиняными мазанками. Маму я устроила на житьево в сарие. В местном “магазине” в одну минуту раскупили мы всю еду, и началась “веселая жизнь”. Мамá жила в Челкаре (и даже подкармивала других) нашими посылками все пять лет...”

11. Марья Федоровна Андреева-Пешкова, жена А.М. Горького.

Степной лицей

Так сложилось, что Оренбург был известен до революции не только как крупный военно-административный центр, но и как своего рода питомник квалифицированных военных кадров. До Первой мировой войны здесь насчитывалось три военно-учебных заведения: Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, 2-й Оренбургский кадетский корпус, Оренбургское казачье училище. Первым из них — и по времени основания, и по значительности — было Оренбургское Неплюевское военное училище, в разное время называвшееся по-разному: училищем, гимназией, корпусом.

История его создания такова. В 1744 г. первый оренбургский губернатор И.И. Неплюев начал сбор пожертвованных для устройства в крае военно-учебного заведения. Однако желания своего осуществить ему не удалось.

В 1806 г. с ходатайством об учреждении в Оренбурге военного училища на собрании дворянами капитал (21 тысяча рублей, половину из которых пожертвовал внук И.И. Неплюева) обратился к Александру I тогдашний оренбургский военный губернатор князь Волконский. Ходатайство это было отклонено.

В 1824 г. военный губернатор П.К. Эссен вновь обращается к Императору с той же просьбой. На сей раз Высочайшее "добро" было дано, и 2 января 1825 г. (т.е. ровно 170 лет назад) состоялось торжественное открытие Неплюевского военного училища. Располагалось оно в маленьком деревянном домике, принадлежащем Пограничной комиссии, но по своим задачам, программам и контингенту учащихся превосходило большинство заведений подобного рода.

Иван Иванович Неплюев (1693-1773)

Основной задачей Неплюевского военного училища было "способствовать сближению азиатов с русскими, внушать первым любовь и доверие к русскому правительству и доставлять этому отдаленному краю просвещенных чиновников по разным частям военной и гражданской службы". Поэтому было решено принимать в училище не только детей русских офицеров и чиновников, но и детей казахов (киргиз), башкир, меццарков и разного звания татар.

Соответственной была и учебная программа. В училище, кроме общих для тогдашней "средней" школы дисциплин, преподавались арабский, персидский и

татарский языки, позже сюда добавили лесоводство, земледелие, гражданскую архитектуру, дабы, согласно первоначальному плану, удовлетворять все потребности края, "давая специалистам по разным отделам управления". Как видим, мыслилось нечто вроде еще одного Царскосельского лицея, призванного готовить высших должностных лиц в государстве, но, конечно, применительно к иным условиям и на ином уровне.

Важной особенностью училища было то, что почти столетия оно "не высылало для себя" никаких расходов в государстве, а содержалось на проценты отярянского капитала, собранного по подписке, на выделяемую ежегодно часть мечетной суммы и билетного сбора с киргизов, приходящих заниматься на работу к русским, на плату с пенсioenеров Оренбургского, Уральского и Башкиро-Мещерякского казачьих войск, на плату со стипендиатов оренбургского, а впоследствии и самарского дворянства, и наконец, на плату со своекопных воспитанников.

Такая местная отзывчивость на нужды заведения ясно показывает, что оно было весьма полезно для края и своей добросовестной работой для культуры последнего заслужило общее уважение.

Первоначально училище было рассчитано на 80 человек, в первый год в нем числилось 20 воспитанников, из коих половина была магометан.

9 декабря 1840 г. по решению генерал-адъютанта Перовского училище — для "наилучшего достижения поставленных ему задач" — было разделено на два отделения: "европейское" (с преподаванием европейских языков вместо восточных) и "азиатское" (с преподаванием восточных языков и значительно уменьшенной программой по всем остальным предметам) с шестилетним на каждом из них курсом обучения.

По окончании учебы воспитанники из дворян определялись на военную или гражданскую службу с правом на чин, причем более успешные в восточных языках назначались в переводчики, конфиденты и толмачи по Пограничному управлению. Воспитанники же из купцов

и мещан при выпуске из заведения пользовались покровительством его начальников "в отыскании законного промысла и упражнения".

За 20 лет существования Неплюевское военное училище выпустило 88 человек. Первым его начальником был подполковник (впоследствии генерал-майор), видный исследователь Оренбургского края Г.Ф. Генис (1824—1831), вторым — капитан Артюхов (1831—1836), третьим — полковник Марков (1836—1848), при котором училище заметно окрепло и с честью выдержало множество проверок, и при котором, что особенно показательно, ни разу не было применено телесное наказание.

Инспектором классов училища с 1824 г. по 1836 г. состоял губернский секретарь Попов, с 1837 г. по 1854 г. — статский советник Дьяконов (упомянутый в воспоминаниях Екатерины Даль — см. "Гостиный Двор", № 1).

В 1844 г. по проекту генерал-адъютанта Ф.М. Обручева Оренбургское Неплюевское

Григорий Федорович Генис (1787-1845), первый начальник Оренбургского Неплюевского военного училища

(рис. академика живописи А.Чернышева)

плюевское военное училище было преобразовано в Неплюевский кадетский корпус с восьмилетним курсом обучения и увеличением числа воспитанников до двухсот, при этом "европейское" отделение было переименовано в 1-й эскадрон, а "азиатское" — во 2-й эскадрон.

1-й эскадрон помещался против церкви Святой Троицы в здании, занятом позже женской гимназией, 2-й — на Николаевской улице, в здании нынешней школы № 30, рядом с ним находился манеж для строевых занятий (теперь здесь — областной драматический театр). Училище во всех двух эскадронах 70 казеннокоштных и 40 своекоштных воспитанников, да 90 летей офицеров местных казачьих войск (Оренбургского, Уральского и Астраханского).

28 июля 1866 г. корпус был преобразован в Оренбургскую Неплюевскую военную гимназию, а старшие его классы вместе с такими же из Сибирского кадетского корпуса образовали 4-е военное училище на 100 юнкеров для подготовки офицеров как в регулярные, так и в казачьи войска. В 1870 г. 4-е военное училище было упразднено, юнкера перенесены в Александровское военное училище.

После окончания русско-турецкой войны, в 1878 г., когда спрос на офицерские кадры возрос, число воспитанников военной гимназии было увеличено с 250 до 275 человек.

22 июня 1882 г. Неплюевская военная гимназия вновь переименована в Неплюевский кадетский корпус.

С 1845 г. по 1867 г. корпус выпустил 403 человека (326 офицеров и 77 урядников), 4-е военное училище в 1869 г. — 44 человека (37 офицеров и 7 урядников), военная гимназия с 1869 г. по 1882 г. — 307 человек.

С 1887 г. по 1919 г. в Оренбурге, наряду с Неплюевским, действует и 2-й Оренбургский кадетский корпус. Среди их преподавателей — немало достойных людей.

Например, в 1831—1834 гг. в Неплюевском военном училище старшим преподавателем восточных языков работал

*Петр Иванович Демозон,
преподаватель восточных языков*

выдающийся востоковед Петр Иванович Демозон. В 1835 г., переодетый татарским мулдой, он в разведывательных целях посетил Бухару и сумел благополучно вернуться домой. Впоследствии П.И. Демозон — начальник отделения азиатского департамента, автор многих научных трудов по французскому и немецкому языкам.

В 1860—1861 гг. в Неплюевском кадетском корпусе преподавал словесность известнейший русский поэт и литературный критик Аполлон Александрович Григорьев. В письме отсюда он пишет А.Н. Страхову: "...Служба здесь — вещь менее пакостная, чем где-либо. Здесь еще дорожат людьми, свое дело знающими, да и начальство (директор и инспектор) честные..."

Работали здесь и прекрасный русский писатель Николай Успенский, и академик живописи Лукьян Попов, и будущий директор Эрмитажа Б. Пиотровский.

С начала XX в. при корпусе существовало благотворительное Общество

*Кадет Александр Мякутин с сестрой,
лазьяне родственники А.И. Мякутина,
собирает казачьи песни*

*Кадет Владимир Мальцев,
сын Войскового атамана ОКВ генерал-майора
П.П. Мальцева*

взаимопомощи неплюевцев, состоявшее под Августейшим покровительством Великого Князя Константина Константиновича. Общество собирало средства на стипендии для неимущих одноклассников и даже для воспитанниц Оренбургского Николаевского женского института... Но история Общества — тема отдельного разговора, настолько она интересна, насыщена именами, неразрывно спаянными с судьбой Отечества...

Хороший преподавательский состав, отличная библиотека (свыше 50 тысяч томов), традиции, дух взаимовыручки и братства. — все это позволяло готовить и выпускать прекрасных, знающих свое дело и преданных Родине офицеров. Не случайно поэтому, что почти все бывшие неплюевцы отмечены самыми высшими орденами Российской Империи.

и на 1914 г. более 50 из них носили генеральские погоны.

Но вот наступает революция, начинается гражданская война... В 1918 г. строевая рота Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса примыкает к отряду оренбургских казаков армии А.И. Дутова (кетати, тоже бывшего неплюевца), участвует в боях, кадеты входят в состав Оренбургского Казачьего училища, образуют экипажи бронепоездов "Витязь", "Слава офицера" и "Россия".

В конце 1919 г. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, добравшийся до Иркутска, был распушен.

Хочется верить: судьба открывшегося в этом году муниципального кадетского корпуса им. И.И. Неплюева будет более счастливой, но не менее славной.

Документ без комментариев:

**Окружное правление 1-го округа области
войска Оренбургского
по отделу народного образования
16 декабря 1918 г.
№ 1244
г. Оренбург**

**В Войсковое Правительство
(по отделу
народного образования)**

Препровождая при сем ведомость о библиотеках-читальнях 1-го Округа Области Войска Оренбургского, Отдел Народного Образования Окружного Правления имеет честь сообщить следующее:

Хозяиномыне большевиков в округе поменяло правлению своевременно открыт все 15 библиотек, предложенных к открытию по сметам 1917 и 1918 года. В настоящее время они спешно открываются. В Сибири специально командированными агентами закуплены большие партии книг, и здесь, в Оренбурге, усиленно скупаются книги для пополнения и составления библиотек.

Статистическая отчетность по библиотекам еще не налажена; но из тех библиотек, которые уже представляют статистические журналы, видно, что библиотеки-читальни успешно работают. Так, например, Сакмарская библиотека-читальня сообщает о своей работе за ноябрь месяц следующие:

подписчиков к 1 декабря состояло:		
детей: мальч.	— 3, девоч.	— 1
подростков: м.	— 49, д.	— 13
взрослых: м.	— 232, ж.	— 20
А всего 318		

В течение ноября месяца выдано было 1079 такому же числу приходивших за книгами. Читальню в течение месяца посетило 2021 человек, так что газеты, получаемые читальней в 1 эк-

земпляре, в один день зачитываются до полной непригодности, и библиотекарь просит высылать газеты в 3—4 экземпля.

Обращает на себя внимание тот факт, что в библиотеке состоит подписчиками весьма небольшое число детей и подростков. Это объясняется крайним недостатком детских книг и на местном рынке. Когда детские отделы пополняются книгами, купленными в Сибири, то спрос на книгу со стороны детей и подростков должен безусловно повиснуть.

Отдел народного образования ощущает также нужду в хороших подготовленных библиотекарях. В настоящее время такие библиотекари весьма редки, так как подготовка их на месте не организована. Приходится в большинстве случаев назначать на должность библиотекарей интеллигентных лиц без подготовки, сообщая им предварительные элементарные сведения о внешкольном образовании вообще и о работе библиотекаря в частности. Крайне желательно организовать курсы по библиотечному делу летом 1919 года в общевоисковом масштабе, чтобы лица, уже работающие в библиотеках или же желающие посвятить себя этой деятельности, могли бы получить минимум познаний по библиотечоведению и библиографии.

Подбор персонала библиотекарей затрудняется следующим обстоятель-

ством. В то время, как учителя начальных школ пользуются правами государственной службы (периодические прибавки, пенсия и проч.), библиотекари не имеют этого преимущества и предпочитают поступить на должность учителя. Кроме того, учитель имеет свободные от работы праздники и каникулы; библиотекарь же, получая жалованье одинаковое с учителями, не пользуется свободным временем. Даже наоборот, праздничные дни наиболее заняты у библиотекаря, так как в праздники читатели больше всего идут в библиотеку и читальню. Рабочий день у библиотекаря также больше рабочего дня учителя. Если учитель обязан быть в школе 4—5—6 часов, библиотекарь должен проводить в библиотеке 8 часов утром и вечером.

Такие особенности в работе библиотекаря делают работу библиотекаря более обременительной и мешают одинаковой оплате труда учителя и библиотекаря, привлечению к библиотечной работе наиболее культурных людей.

Чтобы поставить библиотечное дело правильно и привлечь к библиотечной работе подготовленных культурных и постоянных работников, которые не стремились бы уйти на другую, более выгодную, должность, необходимо:

1) Ходатайствовать перед Министерством Н.П. о принятии на счет казны жалованья библиотекарям /и/ об установлении для них пенсий, периодических прибавок, зачета лет предшдущей службы в других округах и земствах и других служебных прав.

2) Ходатайствовать перед М.Н.П. об установлении минимального образовательного ценза для библиотекарей путем их организованной подготовки и специальных испытаний по утвержденной центральной Правительством программе с выдачею свидетельства на звание библиотекаря.

3) Установить библиотекарям повышенные оклады сравнительно с учителями.

Что касается других областей внешкольного образования, то жизнь noticeably напоминает о неотложности народных чтений, бесед и лекций, народного театра и кинематографа.

Сами по себе народные чтения не потребуют для проведения в жизнь крупных расходов, так как могут быть осуществлены местными силами, организовавшими в Культурно-Просветительные общества. Но к Отделу народного образования местные работники обращаются с требованием волшебных фонарей и световых картин. Правда, фонари кое-где имеются по станциям, но ими нельзя пользоваться по причине полного отсутствия картин. Необходимо при Окружном Отделе народного образования иметь склад световых картин, откуда станичники могли бы брать картины для пользования. Войсковому Отделу народного образования следовало бы прийти на помощь округам и помочь им обзавестись складами световых картин.

Дело народного театра также встречает неодолимые препятствия на местах из-за отсутствия декораций, костюмов и буфалоири. К будущему году Окружной Отдел народного образования надеется оборудовать 2—3 комплекта подвижных декораций и, может быть, костюмов. Издержка на это дело окупаются доходами от спектаклей, которые, кроме того, дадут возможность увеличить театральный инвентарь.

Из других внешкольных мероприятий Окружной Отдел народного образования намерен провести в жизнь учебных взрослых и подростков, на что испрашивается у Окружного Съезда необходимого кредита.

Председатель Правления
Член Правления
Завед. Внеск. отд.

С русскими во время войны и мира

*Воспоминания полковника Ф.А.Узлесева,
бывшего британским военным атташе в России*

Воспоминания, отрывок из которых мы печатаем, помещены были в "Новом Журнале Литературы, Искусства и Науки" (1905, №№10—12). Предупреждая их публикацию, редакция "Нового Журнала" писала:

"Предлагая русским читателям перевод книги полковника Узлесева, пропитанной презрением и ненавистью не только к нашей государственности и почти ко всем встречавшимся ему общественным деятелям нашим, но к самой душе русского народа, к его обычаям, верованиям и стремлениям, мы руководствовались тою мыслью, что надо же нам когда-нибудь послушать искреннее мнение о нас

наших закоренелых врагов, хотя бы для того, чтобы знать подлинную цену этого мнения.

Но, помимо того, полковник Узлесев сообщает множество хотя и мелких, но, надо думать, верных фактов из весьма интересной эпохи конца царствования Александра II и последней Русско-Турецкой войны, которой он был свидетелем. Факты эти для нас важны, а что касается освещения, придаваемого им автором, то разобраться в нем будет уже делом самих читателей и, надо заметить, не особенно трудным, так как автор сам ему подробно, невольно выставляя на вид свою мелочность и недоброжелательство своей натуры".

VIII. Оренбург.

Город Оренбург — сравнительно новый, так как он основан всего только в 1735 году. Бежав около ста лет тому назад из казанской тюрьмы, Пугачев появился в Оренбурге, который и сделал центром своих революционных предприятий. Наводин своими шайками и разорив волжские губернии, он стал уже угрожать Москве, когда был (в 1775г.) разбит войсками Екатерины и погиб на эшафоте. Город Оренбург до самого последнего времени был главной квартирой военного округа и состоял под управлением генерал-губернатора.

Несколько лет тому назад, когда русские не проникли еще так глубоко в Центральную Азию, Оренбург имел большое военное значение, как главный передовой пост империи в этом направлении; но теперь, когда граница этой империи передвинута к Самарканду и Мерву, он стал городом, так сказать, внутренним и теряет прежнее значение. Из Оренбурга одна колонна войск, под начальством генерала Веревкина, тронулась в путь для завоевания Хивы. В сущности, Хиву взяла именно эта колонна, образованию которой ген.Кауфман прямо противился, считая ее не только ненужною, но и неспособною содействовать ему, ввиду плохих дорог, препятствовавших ее движению.

Когда Оренбург, ввиду быстрого захвата русскими Центральной Азии, потерял свое военное значение, то император Александр III, воспользовавшись обнаружением крупного мошенничества в местных официальных кругах, поспешил закрыть оренбургский военный округ. Генерал-губернатора Крыжановского отозвали, место его уничтожено, а штаб рассеян на все четыре стороны. Надо заметить, что сам генерал не был, по-видимому, прямо замешан в грандиозных хищениях, открытых в Оренбурге, но он должен был, разумеется, отвечать за развитие воровских наклонностей в своих подчиненных. По прибытии моем на место я нашел весь город в крайнем возбуждении по поводу массового изгнания чиновников, которым очень, конечно, не хотелось расставаться с прибыльными должностями. Станционный ресторан был переполнен

этими "оставшимися не у дел" джентльмэнами, в их разнообразных мундирах.

Оренбург представляет собою курioзную смесь Петербурга с Москвою, Европы с Востоком. Широкие, грязные, немощеные площади его, окруженные громадными казенными зданиями, напоминают Петербург, а улицы, с низенькими особнячками среди маленьких садов — Москву. Вообще говоря, все безобразно заимствовано им от Петербурга, а все красивое, живописное — от Москвы. Так как я заранее уведомил своего приятеля, князя Долгорукого, жившего в степи, миль за сорок от Оренбурга, о своем желании сделать ему визит, то на станции он уже ждал меня с двумя экипажами: одним для нас и другим — для вещей.

Оба этих экипажа, из коих один — тарантас, были запряжены "тройками", то есть по три лошади в ряд. При такой запряжке средняя лошадь, та, которая идет в оглоблях, должна быть хорошим рысаком. По обеим ее сторонам при помощи постромок и длинных поводов, допускающих большую свободу движения, но не дающих отойти далеко в сторону, прикрепляются две другие лошади. Эти последние идут галопом, загывая головы вниз и кнаружи. Зучер, или "ямщик", как его называют, правит, как следует, только средней лошадыю, а к остальным у него проведено только по одной наружной вожже, так что они находятся почти на свободе. Когда дорога свободна, то они мчатся, расходясь веерообразно, а в узких местах, в воротах, например, по собственному почину,

...Не следующее утро, часам к одиннадцати, мы прибыли в Оренбург после путешествия, продолжавшегося двадцать часов. С северо-западной стороны Оренбург поразительно напоминает Ольдершотский лагерь с его церковью, бараками и палатками, так как именно с этой стороны, как раз перед городом, расположен лагерь местных войск. Но когда мы подъехали поближе и увидели минареты, караван-сарай, множество ветряных мельниц на заднем плане, наконец живописных верблюдов с их погонщиками, то всякое сходство с Ольдершотом пропало, и я почувствовал, что достиг "порога Азии".

жмутся к средней лошади, так как, не имея наглазников, могут видеть все, что происходит вокруг. Замечательно, что лошади в России гораздо спокойнее относятся ко всяким затруднениям и менее пугливы, чем наши. Я часто видал по четыре, по шесть лошадей, столкнувшихся и перепутавшихся на улище, но они оставались совершенно спокойными и позволяли людям пролезать между своими ногами, без боязни ушиба. Говорят, что это зависит от климата, имеющего успокоительное влияние на лошадей; я же приписываю такое спокойствие просто отсутствию наглазников. Русская лошадь видит все, происходящее вокруг нее, а потому относится индифферентно ко всяким шумам и приключениям. Попав в затруднительное положение, которое могла предвидеть благодаря отсутствию наглазников, она прекрасно понимает, в чем дело, и покойно ждет, чтобы люди помогли ей выпутаться.

Сын князя Долгорукого еще на станции извинился передо мною в том, что мы должны будем ехать тихо, так как один из кучеров сильно пьян. Единственным утешением для нас оставалось то, что хоть другого-то кучера он успел сохранить в трезвом состоянии, — задача очень нелегкая, когда русские кучера попадают в город, хотя бы на час. Когда мы, однако же, попробовали двинуться в путь, то оказалось, что второй кучер пьянее первого: воспользовавшись кратковременной отлучкой хозяина, он успел уже выпить изрядное количество "водки", то есть хлебного спирта, губящего русский народ. Он был так плох, что нам пришлось

оставить его в городе. Я упоминаю об этом эпизоде, как весьма характерном для обыденной жизни в России.

Проезжая по улицам города, мы всюду видели следы правительственного погрома. Пустые дома, пустые гауптвахты и будки часовых красноречиво рассказывали о происшедшем, придавая улицам пустынный вид и налагая на весь город отпечаток уныния.

Разнообразный племенной состав населения Оренбурга весьма ярко проявляется в разнообразии костюмов. То встречается русский купец в долгополом суконном сюртуке и фуражке из того же материала; то появится на спине верблюдо кизгирз в меховой шапке и грязном кафтане, мерно покачиваясь взад и вперед в соответствии с неуклюжими движениями животного; то проедет в экипаже смуглый, черноглазый хивинец или бухарец, в пестром разноцветном шелковом халате и с самым разбойничьим выражением лица. Немного дальше множество верблюдов, окруженных чалмоносными погонщиками, указывают на место остановки какого-нибудь каравана. Иные верблюды стоят, другие — лежат и некоторые испускают свойственный этому животному низкий, жалобный крик, который тяжело слышать.

Спустя несколько минут мы выехали за город к реке Уралу, которая составляет границу Азии, Течение Урала резко обнаруживается деревьями, растущими на его берегах. Через реку перекинут старый, скрипящий, опасный для проезда мост, который, когда мы через него ехали, был загроможден

возами с разнообразным товаром. На другой стороне реки начинается Азия и киргизские степи. Вид Оренбурга с этой стороны очень живописен. Город спускается к берегу в виде холма, покрытого зеленой, густо испещренной низенькими, беленькими домиками, однообразие которых нарушается разноцветными куполами многочисленных церквей. А в середине всей картины, в виде контраста колокольням враждебной церкви, градиозно возвышается к небу стройный, легкий, белый минарет караван-сарая.

Киргизы малой орды суть мусульмане и помалы. Как мужчины, так и женщины отличаются у них широкими, круглыми, смуглыми скуластыми лицами и маленькими черными глазами. Первые носят, сверх рубашки, мешкообразные халаты и широкие штаны. Войлочные шапки их похожи на рог изобилия, обращенный растремом вверх, наподобие рукава. Некоторые носят круглые суконные шапки с широким меховым околышем. На киргизах часто можно видеть также поверх шапки род капюшона, что придает им вид каких-то волшбеников. Мужчины бреют головы, а бороды у них редки. Одежда мальчиков, пожалуй, что слишком легка, так как или совсем отсутствует или состоит из одной, открытой спереди, рубашки. Женщины носят почти такой же костюм, как мужчины, иногда увешанный спереди украшениями. Главным убором для них служит белый тюбан, прикрепленный белыми же косами ткани, обрамляющими лицо, сходящимися под подбородком и совершенно закрывающими

уши. Но все это относится только к низшим слоям народа, а костюмы богатых людей делаются из дорогого материала, причем бархатные шапки вышиваются бисером. Надо заметить, однако же, что богатство киргиза состоит из верблюдов, овец и лошадей, с которыми он коцует по необъятному пространству степей, отыскивая свежие пастбища.

В былые годы киргизы кочевали, где угодно, но теперь, когда русское правительство организовало их в "волости", обывателям последних чокчека дозволяется только на земле, им принадлежавшей. Летом они живут в "кибитках" — больших, круглых войлочных палатках, по форме и цвету похожих на мясной пудинг. Некоторые остаются в этих кибитках даже на зиму, но другие предпочитают рыть для зимнего жилья землянки. Главной пищей киргизов служит баранина или лошадиное мясо, а любимым напитком — "кумыс", перебродившее кобылье молоко.

Так как большая летняя ярмарка на Меновом дворе — в пяти милях от Оренбурга и на нашем пути — еще не раскрылась, то я решил воспользоваться случаем и посетил ее. По дороге я встретил много народа, отправляющегося на ярмарку или возвращающегося с нее. Иные ехали на верблюдах, иные — на телгах, иные шли пешком, а некоторые сидели в экипажах, напоминающих ирландскую повозку. Иногда двое — мужчина и женщина — сидели на одном верблюде, один позади другого. Русские, черкесы и казаки тоже встречались в этой толпе, а маленькие, нагие киргизята, подобно уличным

арабчонкам, бежали по сторонам нашего тарантаса в надежде получить медную монетку. Но из всех встреченных запряжек самой комичной была маленькая тележка, везома верблюдом.

Меновой двор есть огромная площадь, надо полагать, около 250 квадратных ярдов, окруженная высокой стеной. По середине того ее фаса, который обращен к Оренбургу, проделаны широкие ворота с двуглавым орлом над ними и с надстройкой, предназначенной для караула. На крыше надстройки развевается русский торговый флаг.

Войдя в ворота, вы видите широкое, грязное пространство, в центре которого находится квадратная группа строений, колоннадой при ее основании. Вокруг, по стенам, идут пивные лавки, закусовые и проч. Все пространство заполнено покупателями и торговцами: одни из них пешком, другие — верхом, и все болтают на различных языках, точно при постройке Вавилонской башни. С левой стороны от ворот стоит табун лошадей, также окруженный продавцами и покупателями. Из него беспрестанно в толпу выскакивают всадники, то рысью, то галопом пробующие лошадей, при чем каждый продавец старается перекричать соперника, доказывая превосходство своего товара. При заключении сделки продавец и покупатель хлопают друг друга по рукам, но одного такого похлопывания почти никогда не бывает достаточно: удары повторяются иногда до двадцати раз, становясь все сильнее, до тех пор, пока не останется уже никакого сомнения в прочности сделки. Яв-

дом с этим таттерселем на восточный образец стоят стада рогатого скота. Обойдя центральное здание, я наткнулся на группу таких куриозных овец, каких никогда не видел. Хвостов у них нет совсем, а задние части, переполненные жиром, висят до самой земли. Из одной такой овцы можно получить до пятнадцати фунтов жира.

В других частях двора сложено бесконечное количество тюков хлопка и шерсти из Хивы и Бухары. Три фаса колоннады, окружающие центральное здание, посвящены торгу Центральной Азии, а четвертый — товарам русского производства. Маленькие, сводчатые лавки этой колоннады переполнены массою товаров, наваленные даже перед входом. В одной из них продавались бухарские ковры, а перед входом висели связки пестрого войлока, употребляемого для украшения кибиток. Надо заметить, что бухарские ковры весьма разнообразны и как по цветам, так и по рисункам гораздо лучше персидских. Следующая лавка соответствовала европейским магазинам готового платья, так как была наполнена самыми разнообразными кафтанамы (самая распространенная одежда в Азии) всех цветов радуги, как шелковыми, так и из другого материала. Далее находилась лавка брадобрея, в которой какой-то киргиз, лежа на спине, претерпевал операцию бритья головы. Еще далее я встретил склад холодного оружия, сабель и кинжалов, как простых, так и художественной отделки; в той же лавке продавались котлы и горшки всяких форм и размеров. У дверей всех этих лавок толпились купцы, бухарцы и

хивинцы, стараясь завлечь к себе покупателей.

Ежегодный оборот Менового двора очень велик. Все караваны из Центральной Азии здесь останавливаются и отсюда отправляются в обратный путь.

Осмотрев наскоро это любопытное место, я поспешил вернуться к своему приятелю, который оставался при экипажах для того, чтобы пьяный кучер не напился еще больше. Прескак с мялом, мы достигли киргизского лагеря, "аула", или селения, все жители которого зарабатывают себе средства к жизни, приготовляя решетки для остова кибиток. Рядом с этим лагерем находилось зимнее помещение киргизов — ряды подземных нор, крыши и грубо сложенные трубы которых выдвигались из земли. Справа и слева от дороги, насколько хватал глаз, по волнистой равнине были разбросаны бесчисленные стада лошадей и рогатого скота, перемешанные со стадами овец, пасущихся на этой девственной почве. Почти на самой дороге мы встретили двух спящих киргизов, тогда как лошади их, оседланные и взнузданные, но совершенно свободные, паслись тут же на травке, ярдах в ста. То там, то сям, на далеком расстоянии, виднелись караваны верблюдов, выступивших таким шагом, что приходилось сомневаться, дойдут ли они когда-нибудь до места своего назначения. По дороге часто встречались всадники с перекидными суммами за седлом. Они обыкновенно останавливались и с любопытством смотрели на наши европейские костюмы, а затем продолжали свой путь.

Часа через четыре досахли мы, наконец, до усадьбы друга моего, князя Михаила Долгорукого, представляющей собою оазис в пустыне — маленькое царство культуры и деятельности в этой некультуривированной стране. Первый взгляд на Михайловку (так называлась эта усадьба, по имени хозяйна), после долгого путешествия по пустынным степям, подействовал на меня освежающим образом, тем более, что мы только проехали через маленькую деревушку оренбургских казаков, которые, как мне говорили, могут служить примером вырождения всего оренбургского казачества, зависящего от пристрастия к водке. Эти казаки ничего сами не делают, а нанимают киргизов работать за себя, и все деньги, получаемые с земли и со стад, тратят на водку, дешезизна которой дозволяет им ежечезно напиваться.

Общий вид Михайловки сразу давал понять, что какое бы бездельничанье ни царствовало в окружающих стенах, здесь, по крайней мере, все было занято работою. Хорошенький дом стоял перед целым рядом холмов, покрытых богатыми нивами созревающего хлеба. Перед домом — маленькое озеро, с островком в центре. На берегу озера, рядом с деревянным мостом, перекинутым через ручей, — живописная маленькая мельница. Самый дом построен сплошь из камня (так как лесов в степи нет) и вместе со своими службами представляет лицевую сторону большого двора, расстилающегося позади. Перед домом веранда, как у большинства русских деревенских домов, что придает им весьма ком-фортабельный вид.

Земля, на которой выстроена Михайловка, была дана князю Долгорукому русским правительством на двадцать пять лет с тем условием, чтобы он там основал образцовый конский завод для производства кавалерийских и артиллерийских лошадей, так же, как и вообще для улучшения лошадиных пород в этой части Империи. Князь Долгорукий начал это дело всего только за два с небольшим года до моего визита, и, принимая во внимание, что он получил одну лишь пустую землю, без всякого следа усадьбы, надо удивляться тому, что он успел сделать в такое короткое время. Прежде всего ему пришлось, конечно, строить дом со службами, закупать маток и производителей, да вводить обработку земли, до тех пор неизвестную в стране, в которой хлеба не едят, а питаются лошадиным мясом и кобыльем молоком. Михайловский конский завод находился тогда, следовательно, во младенчестве, но в нем уже были жеребята и даже двухгодовалые.

Особенно комичные сцены происходили при проведении электрических звонков в Михайловке. Киргизы-рабочие твердо веровали, что в этих звонках сидит какая-нибудь сверхъестественная сила, и, подавив пуговку, стремглав бросались смотреть на колоколчик в надежде застать еще того, кто звонит. Когда прибыла первая молотильная машина, выписанная князем Долгоруким, то никто не решался работать на ней до тех пор, пока не позвали священника, не отслужили молебн и не выгнали из нее злого духа. Но несмотря на все недостатки, зависящие от лени и

неявства русских рабочих, на ежедневные встречались несприятности, князю Долгорукому не только удалось основать конский завод, подающий надежды на будущее, но и познакомить окрестных жителей с выгодами и преимуществами земельной культуры.

IX. Ловля лошадей.

Было условлено, что через день после моего приезда в Михайловку, мы отправимся в степи, чтобы сделать визит одному богатому киргизу и посмотреть на житье-бытье состоятельных инородцев в степях. Так как ехать приходилось довольно далеко, то мы тронулись в путь ранним утром. Один русский джентльмен, прежде служивший в Центральной Азии и часто бывавший в Хиве и Бухаре, любезно согласился сопровождать меня. Лучшего спутника и проводника я не мог бы желать, так как этот джентльмен пользовался глубоким уважением киргизов, избравших его судьбою не только их сорос с русскими, но даже и с другим. Он говорил, что иметь с ними дело в таких случаях очень легко, так как они вполне подчиняются решениям судьи и смотря на это решение, как на окончательное. Нет нужды прибавлять, что он бегло говорил по-киргизски. Очень удачно выбран был также и день моего визита к Темир-Ахал-Беку (имя богатого купца), так как он пришелся как раз после Рамазана, когда кончается долгий мусульманский пост. В доме Ахал-Бека был поэтому приготовлен большой пир не только для него, его семьи и прислуги, но для всех зна-

комых, из которых иные приезжали издалека нарочно к этому дню.

С нами отправились также некоторые приятели "судьи", как я принужден называть вышеупомянутого джентльмена, потому что я совершенно забыл его имя. Иные из нас ехали верхом, иные в тарантасе, тогда как моему управлению был поручен английский догкарт, запряженный гуськом. Проехав миль пять, мы достигли каменоломни; у подошвы ее протекал глубокий поток, через который мы, к счастью, благополучно переправились. Около каменоломни мы видели высоко над нами парящих больших орлов. Запряжка гуськом была, очевидно, невиданным зрелищем для местных жителей, и потому не только немногие встречные останавливались, чтобы посмотреть на нас, но даже громадные ястреба, которых там множество, подлетали поближе и садились на придорожные камни для той же цели.

В пяти милях от каменоломни мы впервые увидели поселок, в котором жили. Два совершенно одинаковых по форме и размерам дома, очень похожих на те фермы, которые встречаются в ящиках с игрушками, стояли ярях в тридцати друг от друга. Шагов за пятьдесят перед ними, против пустого пространства, их разделяющего, находились большие, ярко раскрашенные деревянные ворота на русский образец. Смысл постановки этих ворот был совсем ясен для меня, так как ни забора, ни решетки, делающих ворота необходимыми, вокруг не замечалось, но впоследствии я узнал, что они были воздвигнуты в качестве украшения.

Дома, образующие центр этого

куриозного поселения, были со всех сторон обставлены кибитками, по швету и форме похожими, как я уже говорил, на мясной пудинг. Между нами и этим "аулом", или селением, пролегал глубокий овраг с крутыми боками, образующий собой как бы крепостной ров. При нашем приближении всё зашумело в этой естественной крепости. Приезд наш был, вероятно, заранее известен, и потому теперь она готовилась принять нас достойным образом. Когда мы подошли к оврагу, то вид оказался великолепным. Представьте себе широкую равнину, безоблачное небо и яркое солнце, заливаемая своими лучами живописные группы животных и людей в пестрых одеждах, красиво расположенные вокруг домов и кибиток селения. Справа от нас — табун верблюдов и дромадеров, штук до двадцати; слева — сотни диких лошадей, мирно пасущихся под лучами солнца. Первое приветствие было передано нам еще по сю сторону оврага каким-то фантастическим всадником, примчавшимся навстречу. Вскоре к нему присоединились другие, и мы, окруженные этой дикой свитой, подъехали к берегу. Сойдя здесь с лошадей, мы стали переходить через овраг пешком, причем наше появление, очевидно, возбудило любопытство одного молодого верблюда, который, подсакав поближе, долго смотрел на нас с видимым интересом. Затем, ввиду соблюдения киргизского этикета, навстречу нам стали выходить, один по одному, начиная с младших, все мужские члены семьи хозяина. Каждый, подходя поближе, оста-

навливался, снимал шапку, низко кланялся и пожимал нам руки, а потом присоединился к нашей свите, давая место следующему. В нескольких ярдах от домов, окруженные уже целую толпою, мы были встречены самим Темир-Ахал-Бекком. Он оказался маленьким, плотным человеком, лет пятидесяти, с круглым, жирным, безбородым, веселым лицом татарского типа и бритой головой. Одет он был в длинный, светло-коричневый кафтан из верблюжьей шерсти, подпоясанный кушаком, и высокую круглую шапку из превосходного бобра, с синим бархатным верхом. Говорил он по-русски порядочно и, казалось, был очень обрадован нашим посещением.

После первых приветствий нас тотчас же окружила толпа киргизов человек в сто, столь же интересующихся нами, как мы интересовались ими. Большинство представляло собой грязных людей, весьма дикого вида, одетых в какую-то дерюгу, в шапки и колпаки разных размеров. Некоторые из высших членов семьи хозяина были же, однако, гораздо представительнее и носили разноцветные шелковые кафтаны из хивинских и бухарских тканей. Вдруг толпа расступилась, и навстречу нам вышел маленький мальчик лет семи отроду, на великопленном рыжем пони. Он оказался сыном Темира и, очевидно, гордостью всей семьи. Будучи снят с лошади, он всем нам поочередно пожал руку.

Одним из самых заметных членов собрания являлся, конечно, мулла, или мусульманский священник, красивый молодой человек с умными пронзительными глаза-

ми, не внушающими, однако же, особого доверия. Он пристально осматривал нас, как бы решившись извлечь из нашего визита возможно более полное понятие о европейской жизни и обычаях. Он также недурно говорил по-русски. Осмотревшись немножко, мы были приглашены Темиром пожаловать в дом, стоящий с правой стороны, в котором он жил сам. Первой комнатой в этом доме оказалась маленькая прихожая, в которой, кроме медных тазов для умывания, ничего не было. Следующая комната, отделенная ситцевой занавеской от дальнейших апартаментов, служила, очевидно, гостиной. Пол ее был сплошь закрыт превосходным бухарским ковром, а около стен стояли обыкновенные венские стулья. По стенам были развешаны лубочные картинки, из них на двух самых больших, по словам Темира, были представлены Константинополь и Мекка, хотя они могли бы представлять себе все, что угодно. По одной стороне комнаты стоял стол, а по другой находилось множество ящиков различных форм и размеров, наваленных друг на друга.

Хотя стулья были припасены, собственно для нас, но "судья" сел, поджав ноги, на ковер, а мы последовали его примеру. Тотчас же нам подали сухие фрукты, фиштакши в сахаре, орехи и виноград, также как и кумыс в деревянном горшке. Затем мы пошли смотреть, как доят кобылиц, за которыми было послано несколько верховых киргизов. Оказалось, что кобылиц доят женщины самым обыкновенным образом. После доения мы вернулись в дом пить чай и, только со-

вершив это священнодействие, увидели много интересного. Четыре всадника, вместе с маленьким сыном Темира, еще раньше были посланы привести табун диких лошадей, пасшихся за несколько миль от дома. Когда табун был пригнан, то Темир предложил мне выбрать любую лошадь для того, чтобы ее тотчас же поймали и в первый раз оседлали. Выбрав животное, я указал на него киргизу, которому была поручена поимка. Следует заметить, что ловцы лошадей всегда ездят на превосходных скакунах и берут с собой особого рога лассо, состоящее из длинного — футов в двенадцать, — гибкого прута с крепкой ремненной петлей на конце. Не успев я указать выбранную мною лошадь, как киргиз бросился за нею в самую средину табуна, путившегося бежать со всех ног, но не рассеваясь, а держась сплошную толпою. Когда киргиз настиг движущуюся лошадь, то он ловким движением накинул ей петлю на шею и затянул эту петлю до тех пор, пока несчастное животное принуждено было остановиться, между тем как остальной табун уже исчезал в отдалении.

Остановив лошадь, киргиз откинулся в седле назад и начал постепенно притягивать к себе свою жертву, при усердном содействии собственной лошади, которая, очевидно, понимая в чем дело, уперлась передними ногами в землю и из всех сил помогала наезднику. Когда взятая в плен лошадь перестала сопротивляться, то другой киргиз подошел к ней с уздою в руках. Для такой роли выбирается, конечно, один из лучших ездаков. Он должен взнуздать лошадь и

вскочить ей на спину. Без седла. Как только узда была надетая, так первый киргиз ослабил петлю своего лассо и снял ее с головы лошади, но в то же время схватил последнюю правой рукой за хвост и подправил его себе под сиденье, придерживая левой рукой. Цель тако- го маневра состояла в том, чтобы дать возможность второму киргизу вскочить на лошадь, и как только он достиг этого, так хвост был выпущен и пойманному животному с его всадником предоставлена полная свобода борьбы на открытой равнине. Сначала, страшно испуганная и с ног до головы дрожащая, лошадь попробовала сбросить киргиза, начав прыгать, брыкаться и становиться на дыбы, но без всякого успеха. Убедившись в невозможности сбить его и дойдя до крайней степени отчаяния, лошадь упала и стала кататься по земле. Когда она падала, киргиз стал на землю сначала одной ногой, потом другой и продолжал покойно стоять около бешеного животного, пока оно каталось. Но как только лошадь стала вставать, он вновь очутился на ее спине.

Встав на ноги, лошадь стремглав помчалась в степь. Киргиз, очевидно, того и ждал: направив ее на первый встречный пригорок, он начал погонять бедное животное кнутом и криками. Признаки усталости не заставили себя ждать, но чем более лошадь выбивалась из сил, тем неумолимер сыпались на нее удары кнута, и в конце концов, минут через двадцать отчаянной скачки, она покорно подвезла к нам своего победителя. Таков был результат самого смелого наездничес-

кого подвига, который мне приходилось видеть.

Затем наш хозяин особенно захотел похвалиться перед нами тремя вороными лошадьми, подобранными им в качестве "тройки" для князя Долгорукого. Две из них были пойманы и выезжены без особого труда, но третья долго не давалась в руки. Выбитая из табуна, она носилась по степи, уходя от преследования трех конных киргизов, которые никак не могли накинуть на нее аркан и, наконец, решились прибегнуть к другой тактике — загнать ее до невозможности. К счастью, тактика эта удалась — лошадь не успела скрыться из виду, умелыми маневрами ее заставили вертеться на одном месте, а когда заметили, что она начинает уставать, то четвертый киргиз, на свежем скакуне, догнал ее и схватил за хвост, что дало возможность остальным накинуть на нее аркан.

Когда мы вернулись к дому, пир уже начался; несколько сот киргизов сидели около стен, пожирая мясо и запивая его излюбленным кумысом. Темир повел нас в комнаты, где тоже угостил лошадиным мясом, которое мы ели без помощи ножей и вилок, просто руками и сидя на полу. После обеда, запи-

того кумысом, Темир представил нас старшей из своих трех жен, даме лет пятидесяти, которую мы посетили в се кибитке, очень хорошей, завешанной великолепными азиатскими коврами и уставленной разноцветными сундуками. К другим женам нас не пригласили, хотя я, признаюсь, видел одну из них — должно быть младшую, — когда она стояла за ситцевой занавеской в приемной комнате дома.

Настало время уезжать, и Темир, желая прокатиться со мною в докарте, приказал своему тарангасу следовать сзади. Езда гуськом ему страшно понравилась, и он всю дорогу сам правил, держа все вожжи в левой руке. Дорогой он меня расспрашивал об Англии, а сам выказывал недоброжелательные сведения о ходе дел в Афганистане. Между прочим, он много путешествовал: был в Мекке, в Константинополе, в Хиве, в Бухаре, в Персии и очень гордился этим. Богатство его состояло главным образом в стадах. Он имел три тысячи лошадей, тысячу голов рогатого скота и пятьдесят верблюдов. Прослав несколько миль, Темир протиснулся со мною, сел в свой тарангас и вернулся домой; я же, вернувшись в Михайловку, весьма приятно прожил в ней две недели и затем уехал в Россию.

Павел Матвиевский

**А.В. Суворов
в Оренбургском
крае**

Историк, профессор Оренбургского педагогического института Павел Евмелович Матвиевский (1904—1987) — автор более 150 научных и научно-популярных работ. Свыше сорока лет занимался историей Оренбуржья, он размышлял и изучал документы, хранившиеся в различных архивах, но прежде всего — в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО).

Исследования П.Е. Матвиевского касаются возникновения Оренбурга и освоения природных богатств Оренбургского края, роли Оренбурга в торгово-экономических связях России со Средней Азией, Индией и в русско-казацких отношениях в XVIII—начале XIX вв., его значения в крестьянской войне 1773—1775 гг. под водительством Е.И. Пугачева. В работах этого цикла постоянно фигурирует летописец Оренбуржья, первый член-корреспондент Петербургской Академии наук П.И. Рычков (1712—1777), административная и научная деятельность которого неразрывно связана с организацией, управлением и изучением Оренбургского края в первые годы его новой истории. Богатейшее рукописное наследие Рычкова, печатные труды этого ученого стали темой многих статей П.Е. Матвиевского, легли в основу книги "Петр Иванович Рычков", написанной им в соавторстве с А.В. Ефремовым (М.:Наука, 1991).

Много внимания уделил историк отголоскам декабристского движения в Оренбурге и, особенно, деятельности главы местных "революционеров" Петра Михайловича Кудряшова (1801—1827) — поэта, прозаика, этнографа. Им освещены связанные с Оренбургом эпизоды жизни государственных и общественных деятелей, выдающихся представителей науки, культуры и искусства: И.К. Кирилова, В.Н. Татищева, А.И. Тевкелева, И.И. Неплюева, М.В. Ломоносова, А.С. Пушкина, Т.Г. Шевченко, И.С. Аксакова, А.Н. Плещеева, В.И. Фармаковского, И.С. Хохлова, А.П. Раменского. Рассматривал он и участие народов, населявших Оренбуржье, в войне с Наполеоном — "Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года" ("Ученые записки Оренбургского педагогического института").

Однако далеко не все труды П.Е. Матвиевского увидели свет, многие, хранящиеся у его дочери, доктора физико-математических наук Галины Павловны Матвиевской, еще ожидают своего издателя. Приводимые ниже заметки о пребывании в Оренбургском крае А.В. Суворова написаны на основе ранее неизвестных материалов, в том числе и автографов великого русского полководца, обнаруженных историком в Оренбургском областном архиве.

Владеющему русскому полководцу Александру Васильевичу Суворову, подвигам которого, как сказал Пушкин, "двинулся мир", посвящена обширная военно-историческая и художественная литература. Однако не все моменты его биографии нашли в ней достаточное освещение. Очень мало, в частности, сказано о его деятельности в 1774—1775 гг., когда по велению Екатерины II он должен был "оказывать содействие" генерал-аншефу П.И. Панину, которому было поручено "начальство над войсками, посланными против Пугачева".

В своей автобиографии, за написание которой на склоне лет А.В. Суворов принимался дважды, этот период упоминается мимоходом — многие детали были либо позабыты, либо опущены сознательно. Мало освещены обстоятельства пленения и конвоирования Емельяна Пугачева и сам характер командования войсками, дислоцированными в зоне крестьянской войны.

Некоторый свет на эти события проливает два суворовских документа, которые были обнаружены в Государственном архиве Оренбургской области среди официальных бумаг, поступивших в 1775 г. в канцелярию Оренбургского губернатора. По принятому у то время шаблону такие бумаги, касавшиеся одного и того же вопроса, собирались воедино и после его разрешения подписывались в хронологическом порядке; они назывались "Толпами" (впоследствии — "делами"). Автографы Суворова включены в "Толп о киргиз-касайских и башкирских обращениях", состоящий из 326 листов и одетый в синий картонный переплет.

***

В августе 1774 г. А.В. Суворов, молодой, но уже прославленный военачальник, был по высочайшему повелению срочно отозван из Дунайской армии и отправлен в распоряжение только что назначенного главнокомандующего по борьбе с "пугачевщиной" генерал-анше-

фа П.И. Панина. Напуганная народным движением императрица надеялась, что его участие поможет "в прах искоренить и истребить злодейство" Пугачева. В это время — после блестящих побед, а затем тяжелых поражений в Оренбургском крае и под Казанью — предводитель повстанцев кочевал по правому берегу Волги, поддерживаемый многочисленными крестьянством Поволжья. Для преследовавших его правительственных войск Пугачев оставался неуловимым.

Нам неизвестно, как воспринял свое неожиданное откомандирование против "внутреннего врага" Суворов, делом жизни которого была борьба с врагом внешним. По-видимому, без радости, но он всегда повиновался солдатускому долгу. Военная коллегия еще в марте отсылала его для участия в действиях против Пугачева, но тогда командующий П.А. Румянцев уклонился от выполнения требования начальства. В рапорте от 15 апреля 1774 г. он указывал на нежелательность отъезда Суворова, ибо неприятель мог расценить это как свидетельство крайнего неблагополучия "оренбургских дел". Теперь же — после того, как 10 июля в Кючук-Кайнарджь мир с Турцией был заключен, — Екатерина II приказывала отправить Суворова поскорее, так как ввиду перехода Пугачева на правый берег Волги нависла очевидная угроза над Москвой.

Оставив дела, Суворов срочно выехал из Яса и "в одном только кафтане, на открытой телеге" явился в пензенскую деревню, где прибывал Панин, более трех лет находившийся в отставке по болезни. От нового командующего Суворов получил открытый лист и полномочие действовать "по своему усмотрению", после чего во главе отряда в 50 человек отправился в край повсеместного восстания крестьян. По словам современника, он "торопился" к месту назначения подобно эталонному колдуну. Поиски очага военных действий были связаны, по словам Суворова, "с опасностью бесчеловеческой и бесцелестной смерти". Отряд не раз попадал в окру-

жение ко повстанцам, и для спасения требовалась военная хитрость. "Не стыдно мне сказать, — писал позднее великий полководец, — что я на себя принимал иногда злодейское имя".

По дороге он узнал, что 25 августа вблизи Царицына гусары полковника Миселсона разбили повстанческое войско, но самому Е.И. Пугачеву с отрядом до двухсот человек удалось бежать на луговую сторону Волги в Оренбургский край, где начиналась его героическая и трагическая эпопея. По словам одного из его спутников, взятого в плен, пугачевцы решили, переправившись небольшой группой на левый берег Волги, "бежать степью безводным местом 70 верст" до Узенья. ("Узеньями, — писал историк Оренбуржья П.И. Рычков, — называются те места, кои, начинаясь вблизи Яицкого городка, пошли к самому Каспийскому морю, где великие болота, камыши и кустарники"). При этом "обнадежили себя найтить воды, а в камышах зверей, которых хотели стрелять, сунуть между тем питаться коими". Имелось в виду, что, "усилившись", они вновь пойдут на Гурьев или на море. Однако среди сообщников Пугачева вскоре наступил раскол: одна группа, тяготеющая к "послушной стороне", решила искупить грехи, выдав вождя властям; другая, во главе с Афанасием Перфильевым, отказавшись от этого плана, ушла, не предупредив Пугачева.

2 сентября Суворов прибыл в Царицын. Здесь собрался командир отряда, преследовавший повстанцев и теперь поступающий под его начало. Ознакомившись с распоряжениями командирова и одобвив их, Суворов переправился за Волгу, где в безлюдной степи Пугачев со своим таявшим отрядом метался между солончакими, как в заколдованном круге. Но точных сведений о местонахождении отряда не было.

Суворов вначале поднялся вверх по Волге до Камышина, а затем повернул к Яику, догнал отряд Меллина, преследовавший Пугачева, и двинулся вместе с ним с большой скоростью, делая длинные переходы.

Интересно отметить, что вместе с войсками Суворова в военных действиях против Пугачева участвовали сыновья знаменитого оренбуржца П.И. Рычкова (1712—1777), первого члена-корреспондента Петербургской Академии наук, историка Оренбургского края и неутомимого исследователя его природных богатств, в течение долгих лет сочетавшего научную деятельность с административной. Сам Петр Иванович пережил полугодовую осаду Оренбурга пугачевскими войсками и подробно описал ее, а его четыре сына принимали непосредственное участие в событиях крестьянской войны.

Андрей, Иван и Василий Рычковы служили в армии. Старший из них, Андрей, полковник, был в 1774 г. назначен командантом Симбирска и погиб в бою с пугачевцами. Николай Рычков, ученый-натуралист, участник научной экспедиции академика П. Палласа, после завершения ее работы был назначен директором Ново-Ахтубинского шелководного завода под Царицыным. Именно он фигурирует в воспоминаниях участника похода против Пугачева как "дворянин и шелководничего завода хозяин Рычков", к которому Суворов был приглашен на завтрак прежде чем отправиться в погону за повстанцами.

В донесении Суворова от 3 сентября упоминается "здесьних шелководных заводов офицер Рычков", — по-видимому, Иван, — который сопроваждал яицких казаков под командой старшины Бородина, посланный наперерез Пугачеву, чтобы отрезать его от озера Эльтон к Узеньям. А в рапорте от 14 сентября яицкий командант полковник Симонен сообщал, что "здесьних калмык начальник Рычков" — очевидно, Василий — захватил и доставил "шайку в 37 человек, в том числе любимца Пугачева Афанасия Перфильева", после чего "тот же начальник Рычков теперь отправился далее к Узеньям".

Суворов, придерживавшийся в основном тактики пассивного наблюдения за "злодеем", вспоминал впоследствии, что заметил Пугачева на восьмой день

погони. "Сие было, — писал он в "Автобиографии", — среди Большого Узюна. Я точас разделил партии, чтоб его ловить, но уральцы, усмотря сближения нации, от страха его связали и бросились с ним... стремглав в Уральск".

Пугачев был схвачен заговорщиками на берегу Большого Узюна 9 сентября. Тщательно укрываясь, они содержали его под строгой охраной, законанного "в железа" доставили в Яицкий городок и 15 сентября сдали властям. Здесь его дважды допрашивал чиновник Секретной комиссии капитан Маврин, который передал "бугтовщика" Суворову 16 сентября после его прибытия с поисковой командой в Яицкий городок. По словам И.Ф. Антипа, бывшего адъютанта и первого биографа Суворова, Пугачев оказался полководцу, как, прочем, и Маврину, весьма привлекательным, общительным, умелым и находчивым собеседником, довольно "бодрого духа".

Приготовления к дороге, проведенные в соответствии с предписаниями председателя Секретной комиссии П.С. Потемкина, вскоре были закончены. В специально изготовленную деревянную клетку, закрепленную на четырехколесной повозке, посадили Пугачева и 18 сентября отравились под етерским и казачьим конвоем с двумя пушками в Симбирск.

Из-за голода, охватившего в том году Оренбургский край, как и всю Россию, яицкий командант отпустил отряды провизии всего лишь на два дня. Поэтому Суворов с конвоем шел по самой короткой дороге. Путь был нелегким. Двигались "при непрестанном", — писал Суворов, — беспокоествии киргизов", причем был ранен адъютант, а один из сопровождающих убит.

Были и другие инциденты. Передвигаясь по реке Самаре в сторону Волги, конвой достиг Иргиза и остановился в селении Мосты, разграбленном незадолго до того столь жестоко, что в нем едва ли оставалась десятая доля крестьян. Тревожный отряд конвоя был прерван пожаром, внезапно охватившим несколь-

ко домов. Огонь приблизился к избе, где содержался Пугачев. Начался переполох. Конвою пришлось тушить пожар и одновременно утихомиривать узника, протестовавшего против заключения его в клетку, подобно зверю. Суворов решил освободить его, заменив клетку двумя поддонами — для самого Пугачева и для его двенадцатилетнего сына, детское "буиство" которого требовало неустанный надзора.

1 октября Суворов доставил Пугачева в Симбирск и на второй день передал его прибывшему сюда главнокомандующему Панину. С этого времени полководец не имел никакого отношения ни к охране Пугачева, ни ко второму — "симбирскому" — следствию над ним. После отправки "злодея" 25 октября 1774 г. в Москву он был назначен Военной коллегией (согласно "высочайшему указу" от 19 августа 1774 г.) состоять в команде генерал-аншефа Панина "до окончания экспедиции".

Суворов оставался в Симбирске почти два года — до определения в 1776 г. к полкам Московской дивизии. Отсюда он командовал всеми войсками, дислоцированными в Поволжье, а также в Оренбургской губернии, которая в начале 1774 г., как доносили Панину, была "не совсем еще в совершенное успокоение приведена". Впрочем, судьбе было угодно все же отградить Суворова — сторонника просвещенного абсолютизма, искренне осуждавшего тиранию царей — от прямого участия в карательных действиях. Еще до него, с августа по ноябрь 1774 г. правительственные войска ликвидировали в Поволжье более 20 многочисленных повстанческих отрядов. Во всех бугтовывших селениях и городах были поставлены орудия наказания и устрашения: "по одному колесу, по одному глаголю и по одной виселице". Благодаря репрессиям и голоду правительству удалось к началу 1775 г. уничтожить остатки повстанческих отрядов.

Как показывают архивные документы, Суворов занимался вопросами дислокации и диспозиции воинских отрядов, исполнявших требования местных

властей. Эти отряды подавляли волнения и прелотращали всякое неповиновение, конвоировали разбитые повстанческие группы. Он заболелся о фуражировке и снаряжении войск, вел переписку с властями — высшими и местными. Ему пришлось много заниматься русско-балкшкскими и русско-казашскими отношениями.

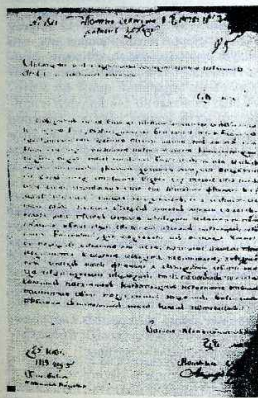
Вмешательство войск потребовалось для локализации действий отрядов Салавата Юлаева. В конце декабря 1774 г. Суворов рапортовал Панину, что "злодей Салаватка и его сообщники" отправлены сначала до Саранска, а оттуда под конвоем Владимирского полка в Казань.

Командование было серьезно озабочено возвращением бугтовывших крестьян к хозяйственным занятиям, вселением мира и покоя в потрепанной войной край. Однако к 31 декабря 1774 г., как сообщал Суворов главнокомандую-

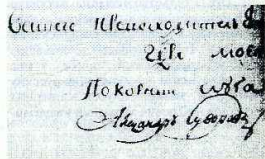
щему, крестьян из деревень и селений Поволжья, "бывших в бунте, генерально никоиво в дома не возвратилось". Дух непримиримости не утихал и в следующем году — в народе сохранялся вера в неуязвимость "хорошего царя", который, согласно молве, продолжал действовать с прежней удаляю. Дислоцированным в "пугачевской" зоне войскам приходилось быть настороже. В мае 1775 г. Суворов докладывал Панину о выезде многих баншир в Уральские горы с той же повстанческой целью.

Но больше всего внимания Суворову пришлось уделять пограничным делам Оренбургского края. Особенно сложными представлялись пограничные дела яицких казаков и баншир с казашами. Первые пугачевские манифесты, жалование всех "реками, морями, травами... и всею волноштию" действиями неогранично и на казаков, стремившихся завладеть землями между Волгой и Яиком, которые были покнуты бешаршими в Джунгарию калмыками. Участились взаимные банширские и казахские набеги, случаи пленения людей и отгона скота. Оренбургский губернатор писал в августе 1774 г. князю П.М. Голицыну, что обстоятельство "со дня на день становится несносными... обе нации во всех местах делают почти непрерывные пакости". Для "отращения сего зла" было необходимо вмешательство войсковых команд.

Из переписки Суворова с оренбургским губернатором И.А. Рейнсдорпом

Письмо А.В.Суворова от 25 июля 1775 г. оренбургскому губернатору И.А.Рейнсдорпу

Факсимиле А.В.Суворова на письмо к И.А.Рейнсдорпу от 30 июля 1775 г.

мы узнаем, что добыча возвратившихся 15 июня из казахской степи башкир составила 1600 лошадей. Тогда же к новому "походу" отправился еще один отряд.

В другом письме Рейнсдорту Суворов сообщает, что казахский султан Среднего жуза Аблай и находящийся при нем "алодей" Худай-Менда отправили башкира, калмыка и казаха "из прежней путаческой толпы" к уральским башкирам "для переговоров их о переходе к нему". Это подтверждалось донесениями генерал-майора А. Скалона и генерал-поручика И.А. Деколанта со стороны Сибирской линии. Суворов приказал не допустить перехода границы, а лиц, "подсылаемых от Аблая, задержать".

30 июля Суворов снова писал Рейнсдорту: находящийся в роли мурды у султана Сагтамамета татарин Абсеялов подтверждает, что "три подговоришка" от султана Аблая действительно "отправлены" к башкирам, как уведомлял генерал-майор Ф.Ю. Фрейман, им уже посланы "в уральскую Башкирию нарочные" — "для изведывания", а возможно, и захвата "подговорицков".

Вся эта переплетка была для Суворова, находившегося далеко от Уральской пограничной линии, простой формальностью. Возможно, более важным делом, которым ему пришлось заниматься, явилось возмещение потерь в конном составе армии после русско-турецкой войны и восполнение его недостатка в местных войсках. Оренбургский край был надежным источником в этом отношении. Правительство издавна закупало здесь немало лошадей на меновых дворах, но порой допускало конфискации и захваты. Так, совершая "по согласию с ханом" карательный "поиск" в мае 1774 г. под видом освобождения русских пленников, майор Голуб и капитаны Мансуров и Краевич захватили у ураль-

ских казахов до 4 тысяч лошадей. И хотя грабительских способов Военная коллегия не одобряла, и ее вице-президент Г.А. Потемкин приказывал Панину все захваченное у казахов "возвратить в их места", никто об этом и не думал. Тем более, что по Уральской линии, как писал Суворов Рейнсдорту, в это время разразился сильнейший конский падеж. Пало много строевых лошадей, и эту потерю следовало восполнить.

В Башкирии после боевых действий в 30—30 гг. XVIII в. и штрафа на более, чем 6 тысяч лошадей, поголовье скота еще не было восстановлено. Но несмотря на это, по приказу Панина в конце 1774 г. был установлен "збор" в 3 тысячи лошадей "з бывших действительно в бунте башкириез и других иноверцев — крещеных и некрещеных". В марте 1775 г. повелено было взять 4 тысячи лошадей — "в наказание за преступления".

Дефицит конского поголовья у башкир заставлял власти всячески поощрять сбор лошадей — как натурой, так и деньгами. По этому поводу 10 августа 1775 г. Суворов писал Рейнсдорту, что следует руководствоваться предписанием Панина: "На каждую строевую лошадь сверх штрафной цены по 5 рублей еще надбавлено для закупки и привода оных в полки". Тут же Суворов просил губернатора уведомить об этом командиров воинских частей, которым надлежало принимать и лошадей и деньги.

Крестьянская война, навсегда вытеснившая по добромую почину бессмертного Пушкина в отечественную и мировую историческую и художественную литературу, и ныне не утрачивает своего познавательного интереса, как легендарное событие далекого прошлого. Как мы увидели, еще много интересных подробностей этого события скрывают в себе хранители прошлого — архивы.

Сергей Попов

Капитанский сын и "Капитанская дочка"

Сергей Александрович Попов (15.09.1905 — 18.08.1986) около сорока лет прожил в Оренбурге и почти все из них работал в областном краеведческом музее. Его, человека широкого круга интересов, можно было встретить не только в его кабинете на втором этаже в северном торце здания музея, но и в археологической экспедиции, и в областном архиве, где он читал, например, ревисские сказки, — занятие, помимо всего прочего, требующее крайней усидчивости.

Жизнь у С.А. Попова была нелегкой. Хотя изначально все вроде бы складывалось неплохо: родился в крестьянской семье, окончил педагогический техникум в Сыктывкаре, работал в школе, учился на этнографическом отделении факультета этнологии МГУ, после третьего курса стал работать заведующим республиканским музеем Коми АССР. Но вдруг в 1933 г. С.А. Попова репрессировали и высылали в Казахстан. Там, в ссылке и после нее, он работает в Алматы в Центральном республиканском музее, затем в Петропавловске (Северный Казахстан) в краеведческом. Когда началась Великая Отечественная война, С.А. Попов был призван в армию. Служил он военным строителем в Томске, в Челябинской области. Демобилизовавшись в середине 1946 г., он поселился в Оренбурге (тогда Чкалов), поступил ра-

ботать в педагогический институт. Работал здесь — и здесь же учился на филологическом факультете.

С 1948 г. С.А. Попов — старший научный сотрудник областного краеведческого музея, и места службы больше уже не меняет.

Сергей Александрович занимался историей заселения Оренбургского края, топонимикой, участвовал в археологических экспедициях (в некоторые возглавлял). Результаты его исследовательской работы — в его публикациях, он автор нескольких глав в "Истории родного края". Перу С.А. Попова принадлежит крупный труд по истории древних и средних веков оренбургских степей: "Тайны пятигорья". Занимался он и Крестьянской войной 1773—1775 гг., и историей поселения Оренбуржия Пушкниным. В целом же С.А. Попов внес большой вклад в изучение нашего края.

Краткую, но абсолютно верную характеристику Сергею Александровичу нашел профессор Оренбургского педагогического института Ю.С. Зобов: "Подвижник краеведения", — так в учебном пособии по курсу исторического краеведения назвал он свою статью, где подробно осветил жизнь и деятельность этого достойного и очень скромного человека (Ю.Зобов. "История Оренбургского края". Оренбург, 1993)

Виктор Дорофеев

Александр Павлович Крюков родился в 1800 г. в семье капитана Крюкова, команданта Илецкой соляной Защиты (ныне г. Соль-Илецк). Место рождения неизвестно. Являясь дворянином по происхождению, ни он, ни отец с матерью

не имели именина, кроме собственного дома в Илецкой Защите, проданного в 1819 г. Илецкому соляному правлению после смерти капитана Крюкова (умер в 1817 или 1818 г.). 14 августа 1817 г. (в возрасте семнадцати лет Александр Крю-

мы узнаем, что добыча возвратившихся 15 июня из казахской степи башкир составила 1600 лошадей. Тогда же к новому "походу" отправился еще один отряд.

В другом письме Рейнсдорпу Суворов сообщает, что казахский султан Среднего жуза Аблай и находящийся при нем "злодей" Худай-Менда отправили башкира, калмыка и казаха "из прежней пугачевской толпы" к уральским башкирам "для переговоров их о переходе к нему". Это подтверждалось донесениями генерал-майора А. Скалона и генерал-поручика И.А. Деколонта со стороны Сибирской линии. Суворов приказал не допустить перехода границы, а лиц, "подылаемых от Аблая, задержать".

30 июля Суворов снова писал Рейнсдорпу: находящийся в роли мулты у султана Салтамамета татарин Абсеялов подтверждает, что "три подговорщика" от султана Аблая действительно "отправлены" к башкирам, как уведомлял генерал-майор Ф.Ю. Фрейман, им уже посланы "в уральскую Башкирию нарочные" — "для извещения", а возможно, и захвата "подговорщиков".

Вся эта переписка была для Суворова, находившегося далеко от Уральской пограничной линии, простой формальностью. Возможно, более важным делом, которым ему пришлось заниматься, явилось возмещение потерь в конном составе армии после русско-турецкой войны и восполнение его недостаичи в местных войсках. Оренбургский край был надежным источником в этом отношении. Правительство издавая закупало здесь немало лошадей на меновых дворах, но порой допускало конфискации и захваты. Так, совершая "по согласию с ханом" карательный "поиск" в мае 1774 г. под видом освобождения русских пленников, майор Голуб и капитан Мансуров и Краевич захватили у заураль-

ских казахов до 4 тысяч лошадей. И хотя грабительских способов Военная коллегия не одобряла, и ее вице-президент Г.А. Потемкин приказывал Панину все захваченное у казахов "возвратить в их места", никто об этом и не думал. Тем более, что по Уральской линии, как писал Суворов Рейнсдорпу, в это время разразился сильнейший конский падеж. Пало много строевых лошадей, и эту потерю следовало восполнить.

В Башкирии после боевых действий в 30—50 гг. XVIII в. и штрафа на более, чем 6 тысяч лошадей, поголовье скота еще не было восстановлено. Но несмотря на это, по приказу Панина в конце 1774 г. был установлен "забор" в 3 тысячи лошадей "з бывших действительно в бунте башкирши и других иноверцев — крещеных и некрещеных". В марте 1775 г. поведено было взять 4 тысячи лошадей — "в наказание за преступления".

Дефицит конского поголовья у башкир заставлял власти всячески поощрять сбор лошадей — как натурой, так и деньгами. По этому поводу 10 августа 1775 г. Суворов писал Рейнсдорпу, что следует руководствоваться предписанием Панина: "На каждую строевую лошадь сверх штрафной цены по 5 рублей еще надбавлено для закупки и привода оных в полки". Тут же Суворов просил губернатора уведомить об этом командиров воинских частей, которым надлежало принимать и лошадей и деньги.

Крестьянская война, навсегда вписанная по доброму почину бессмертного Пушкина в отечественную и мировую историческую и художественную литературу, и ныне не утрачивает своего познавательного интереса, как легендарное событие далекого прошлого. Как мы увидели, еще много интересных подробностей этого события скрывают в себе хранители прошлого — архивы.

Сергей Попов

Капитанский сын и "Капитанская дочка"

Сергей Александрович Попов (15.09.1905 — 18.08.1986) около сорока лет прожил в Оренбурге и почти все из них работал в областном краеведческом музее. Его, человека широкого круга интересов, можно было встретить не только в его кабинете на втором этаже в северном торце здания музея, но и в археологической экспедиции, и в областном архиве, где он читал, например, ревизские сказки, — занятие, помимо всего прочего, требующее крайней усидчивости.

Жизнь у С.А. Попова была нелегкой. Хотя поначалу все вроде бы складывалось неплохо: родился в крестьянской семье, окончив педагогический техникум в Сыктывкаре, работал в школе, учился на этнографическом отделении факультета этнологии МГУ, после третьего курса стал работать заведующим республиканским музеем Коми АССР. Но влугу в 1933 г. С.А. Попова репрессируют и ссылают в Казахстан. Там, в ссылке и после нее, он работает в Алма-Ате в Центральном республиканском музее, затем в Петропавловске (Северный Казахстан) в краеведческом. Когда началась Великая Отечественная война, С.А. Попов был призван в армию. Служил он военным строителем в Томске, в Челябинской области. Демобилизовавшись в середине 1946 г., он поселился в Оренбурге (тогда Чкалове), поступил ра-

ботать в педагогический институт. Работал здесь — и здесь же учился на филологическом факультете.

С 1948 г. С.А. Попов — старший научный сотрудник областного краеведческого музея, и места службы больше уже не меняет.

Сергей Александрович занимался историей заселения Оренбургского края, топонимикой, участвовал в археологических экспедициях (и некоторые возглавлял). Результаты его исследовательской работы — в его публикациях, он автор нескольких глав в "Истории родного края". Перу С.А. Попова принадлежит крупный труд по истории древних и средних веков оренбургских степей: "Тайны питомаров". Занимался он и Крестьянской войной 1773—1775 гг., и историей поселения Оренбуржья Пушкиным. В целом же С.А. Попов внес большой вклад в изучение нашего края.

Краткую, но абсолютно верную характеристику Сергею Александровичу нашел профессор Оренбургского педагогического института Ю.С. Зобов: "Подвижник краеведения", — так в учебном пособии по курсу исторического краеведения назвал он свою статью, где подробно осветил жизнь и деятельность этого достойного и очень скромного человека (Ю.С. Зобов, "История Оренбургского края", Оренбург, 1993)

Виктор Дорофеев

Александр Павлович Крюков родился в 1800 г. в семье капитана Крюкова, команданта Илецкой соляной Защиты (ныне г. Соль-Илецк). Место рождения неизвестно. Являясь дворянином по происхождению, ни он, ни отец с матерью

не имели имени, кроме собственного дома в Илецкой Защиты, проданного в 1819 г. Илецкому соляному правлению после смерти капитана Крюкова (умер в 1817 или 1818 г.). 14 августа 1817 г. (в возрасте семнадцати лет Александр Крю-

ков поступает на службу в Илецкую соляную контору унтер-швейцаром 3 класса (швейцар — мелкий чиновник горного ведомства). Постепенно повышается в должности до чина швейцар-стера 13 класса, он проработал в Илецкой Защите около десяти лет — до конца 1825 г.

9 января 1826 г. Александр Крюков переходит на работу в Оренбургскую пограничную таможену (г. Оренбург) на должность столоначальника "по привозной части". Где и какое образование получил Крюков — неизвестно.

Будучи в Илецкой Защите, А.П. Крюков начинает заниматься литературным творчеством: пишет и печатает стихи. В 1824 г. Оренбург и Илецкую Защиту посетил писатель и издатель журнала "Отечественные Записки" П.П. Свинин. В своей статье "Посещение Илецкой Защиты" Свинин пишет: "весьма ошибается тот, кто думает, что лиры бегут от уединенного края, окруженного хищными скипидарными ордами монголов. Напротив, я нашел здесь счастливого питомца Аполлона: господин Крюков, горный чиновник, обучающийся маркшейдерскому искусству, в часы свободного беседует с парнасскими девами, и прекрасный талант его в стихотворстве извещен из многих образчиков, помещенных в "Вестнике Европы". В другой статье — "Картина Оренбурга и его окрестности" П.П. Свинин отмечает, что при знакомстве с Оренбургом "в особенные обязанности, сведениями, сообщенными мне А.П. Крюковым и Кудряшовым".

Весной 1826 г. в Оренбургскую пограничную таможену приезжал директор Департамента внешней торговли Дмитрий Гаврилович Бибиков, который обратил внимание на А.П. Крюкова и, видимо, пообещал ему оказать содействие в переводе на службу в Петербург. 12 января 1827 г. А.П. Крюков обращается с письменной просьбой к Д.Г. Бибикову о переводе его из Оренбургской пограничной таможи в число канцелярских чиновников Департамента внешней торговли. В прошении Крюков писал: "Надежда приобрести доброе имя и употребить с большей пользою мое усердие к службе государевой есть единственная причина же-

лания моего служить в С.Петербурге. Известный литератор П.П. Свинин весьма великодушно предлагал мне у себя место литературного сотрудника, или лучше сказать, секретари с жалованьем и содержанием, но чувствуя безность познаний моих в словесности, я не осмелился воспользоваться благодеянием сего почтенного патриота и думаю, что в скромной доле статского человека могу более принести пользу любезному моему отечеству". Одновременно А.П. Крюков просил, в случае перевода его в Петербург, "переместить без значительных со стороны моей издержек на перевод".

17 февраля 1827 г. Д.Г. Бибиков писал директору Оренбургской пограничной таможи П.В. Сушкову в отношении А.П. Крюкова: "удостовериться о способностях его к службе и нравственности и если оные соответствуют тому, чтобы он мог продолжить службу в Департаменте как отличной чиновник, распорядиться о высылке его в С.Петербург, приказав ему явиться ко мне и выдать прогнаты по чину из канцелярии Оренбургской таможи суммы, кои будут возвращены".

Любопытен ответ П.В. Сушкова Д.Г. Бибикову в Департаменте внешней торговли: "Я чрез посредство управляющего Оренбургской таможи удостоверяюсь в способности к службе и доброй нравственности Крюкова... При сем считаю обязанностью доложить, что прибывши сюда, я в Крюкове заметил дарования, некоторую образованность и навык к письму".

18 апреля 1827 г. А.П. Крюков был уже в Петербурге, в штате Департамента внешней торговли. За время службы здесь получил чин губернского секретаря, затем коллежского секретаря.

В июле 1830 г. А.П. Крюков был назначен членом Астраханской таможи и 18 сентября 1830 г. приступил к исполнению своих обязанностей. 29 января 1832 г. получил чин титулярного советника "за отличные труды и усердие к службе". С 5 февраля 1831 г. по 28 февраля 1832 г. "исполнял должность управляющего Астраханской таможей". В Астрахани Крюков пробыл очень недолго. 20 февраля 1832 г. он подает прошение об отставке "по нездоровью и же-

ланию соединиться с бедными моими родственниками, живущими в Саратовской и Симбирской губерниях". Отставка была принята.

Однако и в отставке Крюков пробыл недолго. 20 октября 1832 г. он подает прошение в Департамент внешней торговли с просьбой "определить меня в число чиновников сего Департамента на ваканцию, какую надлежаще заблаговременно назначить". А.П. Крюков был назначен помощником столоначальника Департамента внешней торговли. Проработав он здесь менее года, и 7 февраля 1833 г. скончался в возрасте 33 лет. Газета "Санкт-Петербургские ведомости" поместила краткое сообщение о его смерти, называя его "известным литератором". Более подробные сведения о нем сообщила газета "Северная пчела" (1833, №41 от 22 февраля). "Здесь, в С.Петербурге, 7-го февраля, скончался, после непродолжительной болезни, превратившейся в белую горячку, служивший столоначальником в Департаменте Внешней Торговли, титулярный советник Александр Павлович Крюков, на 31 г. от роду (в некрологе ошибка, нужно на 33 г. — С.П.). Многие из литературных произведений его обличали талант, можно сказать, необыкновенный. Любители отечественной словесности помнят его статью, напечатанную под названием "Киргизского набега" в "Северных вестях" из 1830 г. помнит и многие прекрасные его стихотворения, печатные в некоторых повременных изданиях; сверх того, как чиновник, соединил в себе все нужное для его качества, и мог бы при своих способностях принести ощутительную пользу службе, но ранняя смерть положила конец всему (сообщено от одного из сослуживцев покойного)". Такова внешняя сторона краткого жизненного пути А.П. Крюкова.

Свою творческую деятельность А.П. Крюков начал еще в Илецкой соляной Защите. Он пишет стихи, которые печатаются в журнале "Вестник Европы". Из них нам известны "Противуположность", подписанные буквой "К" и помеченные: "Самара на Волге", "Сетование Финтала над прахом Моины", подписанное одной буквой "К" и помеченное "Илецкая Защита". Эти стихотворения отличаются легкостью

слога, лирическим настроением, овеяны грустью.

А.П. Крюков является автором не только стихотворений, но и более значительных произведений, написанных стихами и прозой. Характерной чертой их является изображение быта казаков, которых он наблюдал и в Илецкой Защите и на Оренбургском меновом дворе. Это особенность творчества Крюкова роднит его с другим оренбургским поэтом, его современником Петром Михайловичем Кудряшовым — нещом красот Башкирии и быта ее воинственных жителей, руководителем Оренбургского тайного кружка, близкого по духу и программе к декабристскому движению, и столь же рано умершему (П.М. Кудряшов скончался в Оренбурге в 1827 г., прожив 30 лет). Одним из первых произведений Крюкова на казакские темы является поэма "Каратай", напечатанная в январской книжке "Вестника Европы" за 1825 г. с подписью "А.Крюков" и помеченная автором: "Илецкая Защита, Декабря 6 дня 1824 года". Поэма состоит из более 200 строк и описывает пылкую нерадельную любовь казакского батыра Каратая к русской полюнянке.

Из прозаических произведений А.П. Крюкова известны: очерк "Оренбургский меновой двор", "Киргизцы" (отрывок из повести "Якуб-батыры"), "Киргизский набег", "Расказ моей бабушки" и "Восенный расказ".

Очерк "Оренбургский меновой двор" написан в 1826 г., когда Крюков работал в Оренбургской таможе. Напечатан он был в журнале "Отечественные записки" (1827, апрель). Очерк помечен датой: "декабрь 1826 год" и подписан: "А-Р Крюков". В нем обстоятельно рассказывается о внешнем виде Оренбургского менового двора, о состоянии торговли со Средней Азии и о прибытии на Меновой двор 15 июня 1826 г. громадного среднеазиатского карavana в составе 1500 верблюдов, свидетелем чего был сам автор.

"Киргизцы" представляют отрывок из повести "Якуб-батыры", напечатанной в "Литературной газете" барона А.А. Дельвига, друга А.С. Пушкина (т.1. СПб., 1830 г., стр. 49-51). Дельвиг дал подзаголовок повести: "отрывок из повести "Якуб-батыры, сочинение А.П. Крюко-

ва". Тексту повести предпослано следующее предисловие, подписанное инициалом К (т.е. "Крюков"): "Повесть, из которой здесь предлагаются отрывок, написана назад тому несколько лет. Автор желал изобразить в ней нравы, обычаи, суеверия и труды достопримечательного народа, который, живучи с нами в весьма тесной связи, менее, может быть, нам известен, нежели дикие обитатели Африки и Нового Света. Герой повести — Яков или Якуб-Батыр, как называли его киргизы — есть русский, с малолетства захваченный в плен ордынцами и совершенно присвоенный себе веру, язык и привычки, но он сохранил и твердость духа, и крепость телесную и приятную наружность, сродные потомкам древних славян".

Из напечатанного отрывка видно, что автор превосходно знал быт казахов. В нем правдиво описаны отдельные стороны казахского быта, жилища (юрты), судопроизводство, утоещение бешбармаком, баранга. К сожалению, продолжение повести не увидело свет.

В том же 1830 г. в альманахе "Северные цветы", издававшемся также А.А.Дельвигом, появился рассказ "Киргизский набег" с подзаголовком "Друзьям моим" и подписью "А.Крюков". Рассказ носит автобиографический характер. В нем повествуется о нападении казахов на маленький отряд, прокладывавший трассу для обозов с солью от Илецкой Защиты на крепость Рассыпную на реке Урале в конце 10-х или в начале 20-х гг. XIX в. Во главе отряда находился сам автор, служивший в то время в Илецком соляном правлении. Рассказ читается с большим интересом. В нем кратко говорится об отношении русских к казахам, сообщается о состоянии пограничной линии по реке Илеку, но большая часть рассказа посвящена описанию военной стычки с казахами, напавшими на отряд. Интересны описания автором одежды казахов, военного снаряжения, приемов ведения боя. Рассказ имел успех. Уже после смерти А.П.Крюкова он был перепечатан в 1834 году в военной газете "Русский инвалид или военные ведомости" (№№44-45, 47-49).

Последним прозаическим произведе-

нием А.П.Крюкова, напечатанным за год до его смерти, является повесть под названием "Рассказ моей бабушки", подписанная одними инициалами: "А.К." Она была напечатана в "Невском альманахе на 1832 год", издававшемся литератором Е.В.Ладным в 30—40-е годы XIX века при участии выдающихся поэтов и писателей того времени — Пушкина, Жуковского, Измайлова, Коловова, Языкова и др. Автор называет повесть "Старинной баянью". События в повести происходят в период восстания Е.Пугачева в 1773—75 гг. в Оренбургском крае и приурочены к крепости Нижнеозерной Оренбургской военной пограничной линии (современное село Нижнеозерное, ниже г. Оренбурга по р. Уралу). Повесть написана в форме рассказа бабушки, живущей в г.Симбирске, своему внуку о пережитом во время нахождения крепости в руках повстанцев во главе с атаманом Хлопушей и его есаулом Топорком.

Повесть далека от исторической действительности. Видимо, автор был слабо осведомлен о фактических событиях восстания и о его руководителе. Так, Хлопушу он именует Панфилом Саватичем, Пугачева — уральским казаком. (К восстанию автор относится с явной неприязнью). Сюжет повести прост: дочь коменданта Нижнеозерной крепости капитана Шагина полюбила присланного в крепость поручика Бравина, который отвечает ей взаимностью. Происходит обручение, но свадьба откладывается из-за неожиданного перевода Бравина в Оренбург. Между тем, начинается восстание Е.Пугачева. Нижнеозерную крепость захватывает Хлопуша с есаулом Топорком. Капитан Шагин погибает. Настю укрывает вдова-мельничиха, но в нее влюбляется Хлопуша. Мельничиха спасает Настю от притязаний Хлопуши. Повесть заканчивается сообщением о приходе правительственных войск с женихом Насте — поручиком Бравиним и свадьбой терев.

Долгое время повесть "Рассказ моей бабушки" приписывали перу известного историка-литератора Александра Осиповича Корниловича, члена Южного общества декабристов, осужденного на 12 лет каторжных работ, и инициалы "А.К."

расшифровывались как "Александр Корнилович". Однако, достаточно внимательно прочесть описание местоположения Нижнеозерной крепости в "Рассказе моей бабушки" и сравнить это описание с природными особенностями села Нижнеозерного, чтобы прийти к выводу, что автором этих строк мог быть человек, лично видевший село, хорошо знакомый с его топографией, тогда как А.О.Корнилович никогда не был ни в Оренбургском крае, ни тем более в селе Нижнеозерном. Мы давно пришли к выводу, что автором повести "Рассказ моей бабушки" был А.П.Крюков, подписавший свою работу инициалами "А.К.", который неоднократно мог бывать в селе Нижнеозерном во время своей работы в Илецком соляном правлении. К такому же выводу, совершенно независимо от нас, пришли Н.И.Фокин, преподаватель Уральского педагогического института, и немецкий пушкинист Петер Бранд. В пушкиноведческой литературе указывалось, что Пушкину была известна эта повесть и что она в какой-то степени послужила одним из литературных источников при создании "Капитанской дочки"¹⁾. Вероятно, именно эту повесть имел в виду Пушкин в проекте незаконченного предисловия к своему роману: "Несколько лет тому назад в одном из наших альманахов напечатан был..." Не касаясь вопроса литературоведческого характера о соотношении "Капитанской дочки" и "Рассказа моей бабушки", укажем, что несомненно при создании внешнего облика Белогорской крепости в "Капитанской дочке" Пушкин пользовался этой повестью. Весьма по-

казательно, что несколько строк из описания Белогорской крепости весьма близки к строкам описания Нижнеозерной крепости в "Рассказе моей бабушки". В описании Белогорской крепости в "Капитанской дочке" читаем: "Улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частью покрыты соломою" (глава "Крепость"). В "Рассказе моей бабушки": "дома в ней были все маленькие, низенькие, по большей части, сплетенные из прутьев, обмазанные глиною, покрытые соломою и отгороженные еще более опухтими, если сравнить их со строениями в беломом рукописном автографе "Капитанской дочки": "улицы были тесны и кривы; избы были сплетены из прутьев и большею частью покрыты соломою, вымазаны глиною".

По известным нам напечатанным произведениям А.П.Крюкова видно, что они печатались в таких изданиях, в которых участвовали виднейшие поэты и писатели того времени. У нас нет данных о знакомстве Крюкова с литературным миром Петербурга в бытность его на службе в Департаменте внешней торговли, но факт участия в таких альманахах, как "Северные цветы", "Невский альманах" и в "Литературной газете", говорит, по меньшей мере, о некоторой близости А.П.Крюкова к литературным кругам Петербурга конца 20-х начала 30-х гг. XIX в.

К глубококому сожалению, ранняя смерть прервала литературную деятельность талантливого поэта и писателя, современника А.С.Пушкина, оренбургца А.П.Крюкова.

Примечания

- 1) Приводим небольшой отрывок из диссипионной работы выпускницы Оренбургского педагогического института Людмилы Шлыковой "Оренбургские поэты пушкинской поры", из той ее главы, что посвящена сравнительному анализу двух этих повестей. Думается, наблюдению студентки-филолога покажется интересным дополнение к наблюдениям А.С.Попова.

...То, что повесть А.Крюкова "Рассказ моей бабушки", опубликованная в "Невском альманахе на 1832 год", являлась одним из источников для автора "Капитанской дочки", секрета не представляет. В частности, но незаконченном предисловии к ней Пушкин писал: "Анекдот, служащий основанием повести, нами издаваемой, известен в Оренбургском крае. Читателю легко будет

рассказать нить истинного проишествия, проведенную сквозь величьи романтические...."

Анекдот этот — история пребывания Пугачева в занятой им Нижнеозерной крепости, широко использованная в обеих повестях. Правда, подчеркивает Ю. Г. Оксман, "комендантом Нижнеозерной крепости был не капитан Шпагин, как указывалось в "Невском альманахе", а майор Харлов, молодая жена которого после его гибели стала наложницей Пугачева. (Этот факт в "Истории Пугачева" Пушкина имеется. — Л.И.). Возможно, конечно, что Настя в "Рассказе моей бабушки" была дочерью Харлова от первого брака, а подлинную фамилию коменданта не позволяли сохранить в произведении, предназначенном для печати, бытовые и литературные условия". Но если для А. Крюкова, в основу повести которого положены бесхитростные воспоминания дочери коменданта капитана Шпагина, главная линия — любовная, а пугачевское восстание лишь фон для изображения "сердечных" событий, то для Пушкина, продолжающего в "Капитанской дочке" разрабатывать философские проблемы "народ и власть", "государство и личность", центр всего — Пугачев, вокруг него группируются основные события и действующие лица.

Разнятся повести и отношением своих героев к самозванцу. Оценка Пугачева у Насти из крьюковского "Рассказа..." совершенно однозначна: Пугачев — злодей, который убивает безвинных, и из-

вестие о его гибели и гибели его соратников вызывает у нее удовлетворение. "...Скоро Хлопуша, Топорин и все соратники пугачева Пугачева были схвачены и получило мзду по делам своим... худое дело никогда добром не кончится", — говорит она внуку, завершая свою историю.

А вот отношение пушкинского Гриневы к Пугачеву двойственно: "...Между тем странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодее, забрызганном кровью столько невинных жертв, о казни его ожидалась, тревожила меня по-новому: "Емеля, Емеля, — думал я в досаду, — зачем не наткнулся ты на пятаки или не подвернулся под картечь..." Да, Пугачев злодей, дунегуб, но сколько бед удалось избежать Гриневу благодаря его вмешательству! К слову сказать, эта двойственность вызвала и вызывает в литературе о "Капитанской дочке" бурные споры, суть которых сводится к тому, чтобы установить, насколько позиция рассказчика соответствует позиции автора.

Но если произведения Пушкина и Крюкова сравнивать текстуально, то обнаруживается немалое сходство: в сюжете, в композиции, в манере изложения, в обрисовке действующих лиц, в описании военных сцен, в пейзажах... Например, получив сообщение о победе из-под караула донского казака Емельяна Пугачева, капитан Миронов ("Капитанская дочка") и капитан Шпагин ("Рассказ моей бабушки") начинают укреплять свои крепости:

Пушкин

"...Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры, в случае нападения запирайте ворота да выводите солдат... Пушкун осмотреть да хорошеенько вычистить".

ческому — образу капитана Миронова. Эти слова можно было бы с полным основанием продолжить: "...и капитана Шпагина". Они в самом деле очень близки, даже внешне.

Крюков

Покойник мой батюшка (получивший чин еще при блаженной памяти Елизаветы Петровны) командовал отставными солдатами, казаками и разночинцами... Батюшка мой... был человек старого века... Он или учил своих любезных солдат (видно, что солдатской-то науке надобно учиться немалый свой век!) или читал священные книги; хотя... был учен по-старинному — и сам, бывало, говаривал в шуточку, что грамота ему не давалась, как турку нехотная служба...

Каждый почти вечер собирались в нашу горницу старик-поручник, казачий старшина, отец Василий и еще кой-какие жители крепости.

Пушкин

Подойдя к комендантскому дому, мы увидели человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах. Они выстроены были во фронт. Впереди стоял комендант, старик борный и высокого роста, в колпаке и в китайчатом халате. Увидя нас, он к нам подошел, сказал мне несколько ласковых слов и стал звать комендантов...

"...Я был занят службой: солдатшек учил"... Иван Кузьмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный, но самый честный и добрый...

Обедал почти всегда у коменданта, где обыкновенно проводил остаток дня и куда вечером являлся отец Герасим с женою Акулиной Памфиловной.

сти их разработки. Но и "Рассказ моей бабушки" Крюкова никак нельзя назвать дилетантской. Это понастоящему добротная русская проза, которая легко, с увлечением читается и в наши дни...

Публикация,
подготовка к публикации
С. Е. Сорокиной

Крюков

При неистовом его старании вскоре крепостной тыл был починен, старые пушки, в которых воробьи набили злеза, вытасканы из анбара и расставлены в местах опасных, ворота крепости заперты на замок и, где только можно было поставить часового, там уж, верно, стоял часовой.

И погибают капитаны, коменданты Нижнеозерной, очень сходно. По мнению Б. Мейлаха, трагический образ Пугачева у Пушкина противопоставлен другому образу — по-своему также траги-

Заметки оренбургского жителя конца XX века

На крыльце

Наши дети — это самое страшное, что породили мы таким резким поворотом к капитализму. Зачем всё, если всем правят деньги? Зачем учиться, работать, если деньги можно просто отнять? А ведь деньги нужны — на ту же жвачку, на тот же "сникер"...

— Когда я выхожу на улицу, то начинаю бояться людей, — тихо говорит милая девочка Оля. — Когда я иду в музыкальную школу, я дрожу. Как много людей с плохими лицами! Особенно мальчишки. На каждом перекрестке они стоят целыми группами. Они кричат мне... Я их боюсь — и ненавижу...

— Я часто вижу, как пятеро или шестеро бьют одного, — рассказывает восьмиклассник Андрей. — И во дворе, и прямо в школе... Валют — и бьют ногами в лицо. Это и старшеклассники из нашей школы, а бывает, какие-то чужие парни приходят... Я отворачиваюсь, меня тошнит...

— Приходилось мне с ними, — признается худенький семнадцатилетний Сергей. — Прямо днем останавливают и бьют. И никто никогда не заступится. Взрослые смотрят — и обходят как можно дальше. Или притворяются, что ничего не замечают.

— Я зону прошел, всякое видел, — горчит сосед, мужик лет под сорок. — А тут, понимаешь, иду с работы... ну, выпил по сто грамм, на большее, понимаешь, не было, дают раз в три месяца... Иду, понимаешь, а тут эти пар-

нишки... — Он долго и зло ругается. — Крысятники, молодняк-волки, стаей окружили, каратисты... Любого запросто завалят бы!

— Я смотрю на его кулаки, и почему-то верю.

— Двое, трое для меня ничто, — продолжает сосед, — так они ведь и слади еще трое или четверо, тут ты хоть трижды каратистом будь, я ведь сам в лесе-те служил, понимаешь, а вся эта американская киношня... Против стаи не попрешь, мороч, не! Но раздеть человека да еще отпинать... В наши годы такого не было. Даже на зоне кто из мужиков бьют, удивляются...

— Прямо возле хлебного отняли сумочку, — говорит маленькая старушка-"матрешка" из соседнего подъезда. — Двое мальчишек... И народ был, в это время все хлебушек покупают. Все видели, никто не помог... Бог им судья!

У нее хоть надежда есть: Бог...

Диалог

От Сосновки до города — километров тридцать. Дойти, конечно, можно, но кто меня на себе вторможу поповину пути тащить будет? Никто. Вот и стою голосую, торможу попутки. Да все без толку. Раз даже, рискуя жизнью, грубую встал перед "москвичом", но водителем оказался ас, крутнул "эмэйку" и покатились дальше. Призамедлилось было одно такси, но тут уже я — ноль внимания. Денег-то нет.

Наконец, останавливается грузовик. Взглянул на шофера благодарными глазами и полез в кабину. Поехали.

Едем, молчим. Вдруг, когда уже в город въехали, шофер спрашивает:

— Ты где работаешь?

— Да в институте в одном. Лабораторию завелую.

— Начальник! А получаешь сколько?

— Тысяч сто пятьдесят в месяц выходит. — Гордиться, конечно, нечем, но я искренне — и полдела, и интересно, и в общем всё так уважительно.

— Да-а... Значит, в ресторан не ходишь.

— Почему не хожу? Иногда хожу.

— Ну? — радуется за меня шофер. — И официанткам на чай даешь?

— Нет, на чай не даю. Неловко как-то: дать, как положено, не дашь, а копейки... Чего человека обижать?..

Когда я, попрощавшись и поблагодарив водителя, уехал от машины, дверца неожиданно раскрылась и воскликнул мне крикнули:

— Ну, так дай хоть на сигареты, не обижусь!

Цыганский барон, или Ностальгия по семидесятым

Вы видели когда-нибудь цыганского барона? Не опереточного, настоящего? Думаете, такого не бывает? Ошибаетесь! Он на самом деле есть, только не лезет другим на глаза, как ныне, в том числе и царствующие особы. И я уважаю цыганского барона за такую скромность. Заочно. Потому что ни сам, ни кто другой из нас никогда не видел его.

А вот мой друг — видел. Он, мой друг, лучший спец по резье, из дерева что хочешь изобразит, да так, что и американцы ахнут: "Откуда, спорт бери, статуя свободы в Аленбурге?!"

Тогда, в середине семидесятых, к моему другу вежливо подошли два курчавых парня и вежливо (кроме шуток, вежливо, очень вежливо) предложили сделать для "одного человека" резные украшения в доме.

— Он много слышал о вас, — говорили они. — А насчет денег...

Когда мой друг услышал, какие деньги сулят ему за работу, то от падения его спасла только стенка, к которой он вовремя прислонился.

— Если мало, дадим еще, — забеспокоился парни.

Так мой друг увидел цыганского барона...

Было это в районе старой толкучки, среди грязных улиц, заставленных убогими или очень убогими домами. Сейчас здесь — целый цыганский город, асфальт, особняки. С тех семидесятых годов цыган в Оренбурге — индийских, молдавских, румынских, турецких, каких угодно — стало так много, что их не трогает никто: ни местная мафия, ни кожане, ни власти. Да попробуй-ка тронь! Оружия у цыган — как у хорошо оснащенной армии. И своих они вырывают за любые деньги. А где деньги берут? Но вы же сами видели на углу Суветской и Кирова скользящих золотом цыган. И других, которые тут же, у "Жемчуга", продают только что скупленное золото. Но они — всего лишь пепки в большом и сложном цыганском мире.

Тогда, в семидесятых, мой друг сделал для барона — седлого, красивого, крепкого — все запрошенные скульптуры и украшения, за что получил обещанный мешок денег. Но не деньги запомнились и поразили моего друга, а огромные ковры, сплошь увешанные оружием — от самого древнего до самого современного. И еще — вооруженные охранники возле высоких красивых ворот.

Что для мирных тех лет было, признаться, действительно несколько странно.

Переход

Женька играет в подземных переходах. Сегодня — между рынком и музкомедией. Нет, он не паперсточник, — гитарист. Перед ним — картонка из-под обуви, справа — старуха в цветастых одеждах, видимо, беженка с юга, слева — парень с шапкой в руке, стыдливо прикрывающий лицо ладонью.

В переходе сквозит.

— Не забудел, Жень?

— Да не. Еще часа два отыграю — и хана. Это вон ему, — кивок в сторону парня с шапкой, — до вечера стоять. Дурак, обзавелся семьей в такое время...

Женька играет от души, но люди задерживаются редко, они спешат поскорее миновать промозглый переход, деньги опускают не глядя, — всё, в основном, серые сторбулевые бумажки.

— Пойдем погреемся, кофейку пошем. Да не копопись, — усмехается Женька, — утошаю. — И выгребает из коробки деньги, рассказывает по карманам.

Мы сидим в теплом кафе универсага "Восход", тянем кофе.

— Собираю неглохо, — рассказывает Женька. — День постояль — дватри свободен. А главное, ни милиция, ни ракет не трогают, для них это не деньги.

— Чем в свободное время?... — Женька скучен этот вопрос. — Туеуюсь среди своих. Одни прорвались, другие — нет. Да не, это лабуда всё — хуея, лучше. Главное, бабки найти, спонсора, короче... А про Тихомирова слышал? В "Лысых игрушках" солист был. Класный парень! Только взлетели на гребень этой самой славы, а он взял да повесился. Депрессия, говорят, думал слишком много... А им это теперь — как реклама.

Женька допил кофе, встал, бережно поднял гитару:

— Ладно, побежал я — время уходит, золотое время!..

Скоро ему в армию. В какой подземный переход он вернется после нее?

Да и будет ли это "после"?

Фарид Нагимов

Паучок на паутинке

Рассказ

Родился в 1970 году в селе Буранном Соль-Илецкого района Оренбургской области. Работал на Оренбургском аппаратном заводе, служил в армии. Сейчас — студент Литературного института им.М.Горького.

Печатался в журналах "Литературная учеба", "Уральские нивы", в газете "Литературная Россия".

Он сидел в своей общежитской комнате и от одиночества смотрел на себя со стороны. Он уже хотел издевательски заговорить с самим собой, и тут к нему пришел Шатун.

— Иди, Радик! — сказал он, искоса поглядывая на его стол. — Там Гера приехал к Виолетте, зовет тебя.

С этого все и началось.

Шатун когда-то учился вместе с Радиком. Он был старше его лет на пять, — светловолосый, скуластый, худощавый. Радика всегда тревожили его глаза. Порой казалось, что это не глаза вовсе, а вырезы в голубое, холодное и великое спокойствие. Из-за них Радик с особой силой чувствовал себя нерусским и почему-то немного ушербным. Шатун всегда отчаянно переживал из-за отсутствия денег, по разговорам его было видно, как ему страшно остаться в этом мире одному без жены, детей и прочего. Было даже больно за него. В самом начале их учебы Шатун замучил Радика своими планами обогащения. Когда его одолевали денежные мечты, Шатун здоровался свысока и намекал, что скоро будет иметь яхту, виллу. "Я, в общем-то, скоро буду кредитоспособен, — говорил он. Зря ты тогда не согласился!" Многие однокурсники входили с ним в дело, служли радостные и безумные. Разговаривали на им одним понятном языке: "Таможка, растаможка, воздухогон". Когда у Шатуна срывалось, он приходил к Радика плакаться. Но через день у него вновь загорались глаза, и он бегал, звонил, что-то записывал в большой блокнот, нервничал и с удовольствием, безжалостно тратил деньги на водку. А под конец года исчез. Радика потом уже сказали, что он попался на каком-то грубом, нелепом грабеже. Радик корил себя, что ему все-таки хорошо, что у ребят ничего не получилось и

ботицы, подсчитывают, сколько людей и где замерзнут надвигающейся зимой, санитарки диспансера наглухо заклеивают щели в рассохшихся оконных рамах, степенный мужичок-с-ноготок при лошадке, везущей хворосту воз, переключился на продажу телевизионных программ в трамваях, в прибрежных водах шныряют неопознанные подводные лодки, штабс-капитану Рыбникову больше нет нужды маскироваться, проведены повторные выборы в местные органы — не мытьем, так катаньем, — чиновник честно предупредил, что будут продолжаться до тех пор, пока не состоятся.

загода начинают готовиться к выборам и в верхах: изобразив руками пирамиду основанием вниз и перевернув ее, чиновник с телеэкрана наглядно показал суть местного самоуправления, попутно объяснив о твердом намерении сократить свой аппарат еще на одну треть, тут же проинформировав о создании дополнительных комиссий и инспекции по передвижению кресел, на базаре мимоходом наблюдаю издали за наперсточниками, собравшими вокруг себя толпу зевак, — грустно и стыдно видеть, и кажется, что вот-вот появятся стражи порядка и возьмут пройдох за ворот — все же поездка в Москву не прошла для меня даром.

Алла Прокофьева,

кандидат педагогических наук

Александр Ширяевец и оренбургская периодика

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро нам в дороге
Бременные пожитки собирать.
Милые березовые чащи...

Это пронзительное стихотворение Сергей Есенин посвятил Александру Ширяевцу, с которым его связывала трогательная дружба. В Ташкент к Ширяевцу Сергей Александрович приехал в 1924 г. Когда же в мае 1924 г. А. Ширяевец умер в Москве от менингита, заботы о его похоронах взяли

Загадка губернатора Крыжановского, или Как архиерейский дом возник

За долгие годы, посвященные собиранию легенд и преданий и сопутствующей этому работе с архивными документами, мне часто приходилось наталкиваться на имена двух оренбургских генерал-губернаторов: В.А. Перовского и Н.А. Крыжановского. И я постоянно задавался вопросом, почему практически все историки столь сдержанно оценивают деятельность Николая Андреевича и столь восторженно — Василия Алексеевича?

Чтобы понять мое недоумение, вспомним наиболее значительные события, связанные с двумя этими людьми.

При Перовском — принудительно введена общественная запашка земель силами Оренбургского казачьего войска; открыта школа лесоводства; выстроен Караван-Сарай — жемчужина архитектуры нашего города; построены здания гауптвахты, дворянского (общественного) собрания и Казенной палаты; предпринято два похода на Хиву, первый из которых закончился полной неудачей и привел к гибели большого числа солдат и почти всего каравана...

При Крыжановском — пущена Самаро-Оренбургская железная дорога; начата реконструкция Гостиного двора; открыты городской театр, мужская и женская гимназии, женский институт, детский приют Св.Ольги, казачье юнкерское училище, духовная семинария, епархи-

на себя С. Есенин, С. Клычков и П. Орешин. На Ваганьковском кладбище, как вспоминали потом, прозвучало "надгробное рыдание" Есенина.

Но для многих А. Ширяевец так и остался беззвучным "приложением" к Сергею Есенину, знаменитым лишь тем, что имел честь и счастье входить в ближайшее окружение нашего национального гения.

Между тем, Александр Ширяевец это интересный, самобытный поэт со своей неповторимой судьбой, своим голосом и своей темой. Талант поэта признавали Ив. Бунин, Н. Клюев, С. Городецкий. Последний писал: "Судя по его вешам, мы в его лице имеем новую поэтическую силу, идущую прямо с земли, как Клюев и Клычков... Его песни не могут не идти поперек... Талант волжского певца силен и несомненен!" ("Речь". 1914, 10 марта).

С Ширяевцем обычно связывают два края: Поволжье и Туркестан. И это понятно: в первом Александр Васильевич Абрамов родился — в 1887 г. в селе Ширяево-Бурак Симбирской губернии (отсюда его псевдонимы: Симбирский, Ширяевец), во втором — жил и работал в течение 17 лет. Но ни в одном биографическом очерке, посвященном поэту, не говорится об Оренбурге. Между тем, служба в почтово-багажном ведомстве наверняка забрасывала его в разные города. А уж Оренбурга, стоящего на пути из Туркестана в Москву и Петербург, миновать он никак не мог. И косвенные доказательства этому имеются. Оренбургская газета "Го-

Н.А. Крыжановский

альное училище; построен и открыт женский монастырь, заложены основы для строительства Казанского кафедрального собора, — еще двух наших архитектурных жемчужин; поход на Хиву завершился блестящей победой... Не станем перечислять всё, скажем коротко: ни при одном губернаторе не было сделано столько объектов, как сейчас говорят, сокультурьбыта, как при Н.А. Крыжановском.

Так в чем же дело? Почему большинство исследователей так осторожны, когда речь заходит о почетном гражданине города Оренбурга, генерал-адъютанте и кавалере ордена Святого Георгия (высшей военной награды того времени) Николае Андреевиче Крыжановском?

Ответ на этот вопрос я искал долго. Думаю, он не бесспорен, но...

лос трудового казачества", редактируемая Н. Степным, упоминает А. Ширяевца в числе местных поэтов, которые "десятками лет подвизаются на столбах местной прессы" (1918, №14). Эта же газета относит к местным поэтам и П. Поршакова, вместе с которым А. Ширяевец и Л. Поршин выпустили в 1911 году в Ташкенте первый сборник стихов.

До того, как оренбургская газета начала публиковать стихи А. Ширяевца, он в газете "Советский Туркестан" (1918, январь) напечатал статью о трех витязях-поэтах из народа, своих единомышленниках: Клычкове, Клюеве, Есенине, с которым заочно познакомился в 1914 г. К слову, поэт был довольно разборчив в литературных "дружбах". В письме к литературоведу П.Я. Заволокину от 11 августа 1924 г. А. Ширяевец признается: "Участвовать в агитационных сборниках и конкурировать с Демьяном Бедным и иными пролетариями, вкушающими кремлевские пайки, я не согласен, почему будьте добры вернуть все посланное вам... Надеюсь, не обидитесь на меня, я сын крестьянско-полевой Руси, а не той, которая проповедуется в сферах".

Кроме стихов, в газете "Голос трудового казачества" печатались сообщения о литературной жизни Оренбуржья. Например, в №2 (апрель) за 1918 г. можно прочесть о готовящемся литературном сборнике "Степь", среди авторов которого названы А. Ширяевец, М. Герасимов, П. Поршаков и др. В ряде номеров помещены программы и отчеты о ходе Пер-

...По дороге от горы Маячной к загородной даче оренбургских генерал-губернаторов двигался пропыленный экипаж, запряженный парой не менее пропыленных лошадей. Два объемистых баула на крыше, внутри — человек с неизгладимыми следами "солнца, воздуха, воды" на лице. Усталым взглядом прожевал он остающиеся позади степные пейзажи...

Солнце уже клонилось к закату, когда экипаж заперлся у одинокой группы домов, верстал в двух от города-крепости Оренбург. У солдата, вышедшего из сторожевой будки навстречу проезжаем, человек спросил: а не здесь ли сейчас господин генерал-губернатор?

— Никак нет! — отрапортовал солдат. — Их сиятельство здесь не были. Может, на другой даче, в Зауральной роше. А может, у себя во дворе. — И он махнул рукой на видневшуюся крепость.

Так 18 июня 1842 года прибыл в Оренбург немецкий путешественник, естествоиспытатель и доктор философии Теодор Фридрих Юлиан Базинер. Всего полтора месяца пробыл он здесь, но в дневниках его появились меткие зарисовки местного быта.

Между тем, экипаж уже катил по аллее, обсаженной ивами, — прямо к Сакмарским воротам. Глядя по сторонам, Теодор Базинер не переставал удивляться жизненной силе деревьев, выросших в эту обожженную солнцем песчаную землю.

— Говорят, давний губернатор посадил, — пояснил возница. — Собственнооручно... И в городе велел деревья сажать перед каждым домом. Сколько есть в доме мужеских душ, столько, значит, и деревьев. А в даче — вот что миновало — диковинные цветы развел...

Но не одними цветами славна была дача оренбургских губернаторов! Построили ее еще во времена Ивана Андреевича Рейнсдорна, управлявшего краем с 1768 года по 1781 год. По себе оставил память возведенным в 1772 году на главной улице города лютеранской кирхи.

ного и Второго литературного утра в Оренбурге (в 1910—1920-х гг. “литературное утро” было распространенной формой выступления писателя перед своими читателями).

Вот несколько подобных сообщений.

№14 (28 апреля — 10 мая 1918 г.):

“7/V — в зале Декаданс состоялся первое для Оренбурга Литературное утро... Прекрасное впечатление произвели стихи Н. Постникова, Ширяева, Батрака, артистически продекламировал свои стихи С. Макаровский, Е. Гугучкина, Филонов...”

№24 (9 — 22 мая 1918 г.):

“Второе литературное утро красных пролетарских поэтов и писателей. Весь сбор поступит в литературный фонд для организации союза красных пролетарских поэтов и писателей. Участвуют в утра поэты и писатели: И. Батрак, М. Васильев, А. Байкалов, Востряков, Н. Постников, Н. Степной, Попов, С. Макаровский, Л. Исаков, Ф. Могила, Б. Филонов, А. Зешгер, Тышко, Павлович.

Стихи местных поэтов А. Ширяева, Г. Бодрова и А. Барулина продекламирует Е. Ранняя. Стихи местных поэтов Поршакова и М. Герасимова продекламирует Злобнов...”

Правда, из этих сообщений неясно, был ли Ширяев в Оренбурге сам или только присылал свои произведения в редакции оренбургских

Долго стояла она, даже школа при ней была... Ныне здесь высится Первый корпус Оренбургской медицинской академии. Дачей же, для себя построенной, Иван Андреевич пользовался год, от силы два — переехал служить на другое место. После него в ее стенах пребывала целая вереница губернаторов, только уже не оренбургских, а симбирских и уфимских: И.В. Якоби, А.И. Апухтин, барон О.И. Ингельстром, А.А. Неутлинг, С.К. Вязмитинов. За ними вновь пошли оренбургские, теперь уже военные губернаторы: Н.Н. Бахметев, князь Г.С. Волконский... О последнем можно бы целый том составить из ходивших о нем легенд и слухов. Более десяти лет он провел в Оренбурге, неизменно зимуя в холодном, совершенно неотапливаемом помещении. Видимо, поэтому в загородном доме губернаторской дачи ветра, снег, дожди, бури беспрепятственно делали свое разрушительное дело. Преемник престарелого князя молодой энергичный граф П.К. Эссен дачу подлатал, а дорогу к городу обсадил ивами, столь поразившими доктора философии. В саду же устроил неплохую оранжерею, сохранившуюся долгие годы. Но только обжился, как подоспел императорский Указ, повелевающий заменить одного графа другим — П.П. Сухтеленю, тоже молодым и тоже энергичным. Ох, и полюбили его в городе! Всё бы ничего, да в 1833 году почтительный гражданин города Оренбурга граф Сухтелен скорпостижно скончался и был похоронен в ограде Петропавловской церкви*, что вызвало возмущение местной церковной знати — Сухтелен был лютеранин.

В самый разгар скандала прибыл новый генерал-губернатор — любимец Императора граф В.А. Перовский, человек рожительный, права властного и необузданного. И при всем этом — высокой культуры. Он быстро

*Списана. Ныне на ее месте — сквер им. П.Осипенко.

газет и литературных сборников, но с произведениями поэта читающие оренбуржцы были достаточно хорошо знакомы.

По письму П. Поршакова от 16 марта 1916 г., находящемуся в Пушкинском доме, видно, что Ширяев был хорошо знаком с редактором газеты “Голос трудового казачества” Н. Степным еще за два года до выхода газеты:

“Уважаемый Николай Александрович! Сегодня получил письмо от Ширяева и Ваш привет — спасибо, но не забываете меня, краинца. А Ширяев пишет, что Вы будете издавать снова свою “Степь” и что хотите поместить и наши стихи из сборника “Под небом Туркестана”... Живу в Мерве... Думает ли там что-нибудь издать А. Ширяев отдельно...”

Большинство стихов А. Ширяева, опубликованных в оренбургской газете “Голос трудового казачества” и оренбургских альманахах, входит в поэтические сборники поэта, но есть и такие, которые не переиздавались, например, “Клич Зимы” (из поэмы “Пир Зимы”). Часть из них мы и предлагаем Вашему вниманию.

*Рукописный фонд ИРЛИ. Ф.586. арх. Л.Н.Клейнборта, №374

погасил разгоревшиеся страсти, и Сухтелен остался на месте своего уполномочия. Поговаривали, правда, что тут Перовскому очень помог ротмистр Щербачев, местный полицмейстер. Возможно, и так, потому что отношения нового губернатора с полицмейстером скоро переросли в дружбу.

Но вернемся к даче... Как-то Щербачев зашел к Перовскому:

— Василий Алексеевич! За беспокоество прошу извинить, но честь ваша для меня всего дороже...

— Не тяни, к делу!

— Слух дошел, что в городской думе затруднение, дело решиться не может...

— Нусть городской голова разбирается, его обязанность!

— Так-то оно так, да дело больно уж деликатное свойство... Намным постановлением думы с каждой десятины городской земли положено брать рубль серебром в год...

— И правильно, надо брать!

— Так-то оно... Да ведь дача губернаторская, что за Сакмарскими воротами, боле девяти десятин земли, к городу приписанной, занимает. А дума за нее деньги не берет, не осмеливается...

— Дураки! Городского голову ко мне! М-мигом! Я ему, каналье...

Как гласит предание, крепко тогда досталось городскому голове. А весь недомок канцелярней губернатора был незамедлительно погашен. Загородную же дачу Василий Алексеевич приказал оформить на имя полицмейстера — как его подарок “за усердие к службе отменное”.

Подарок, конечно, царский: обширный сад, прекрасная оранжерея, сам дом, два-три флигеля... Да вот беда — все это не ремонтировалось со времен Эссена. Доходов же полицмейстера, чтобы привести усадьбу в порядок, было явно недостаточно. А тут еще, как на грех, Щербачеву подвернулся некий коллежский советник Ржевский, служивший при

Двух моих любимых дочек,
Снежных Вьюгу и Метель,
Чай, устали за денечек —
Уложу потом в постель...
А от них в заиндевелый
Ударяйся быстро в бор.
Где старик Морозко смелый
Вышел с палицей в дозор:
Молви: гость он мне желанный!
Жду я всех их! — все милы!"
По равнине сребротканой
Мчится волк, быстрой стрелы...
И в меха из горностая
Нарядилась Зима. —

Жлет гостей старуха злая
В снеговые терема...

Сирень

Я люблю сирень синеюкую.
Аромат ее грустью веющий. —
Вспомню юность я, так далекую,
Моей жизни день вечерюющий.
Я люблю, когда ночь глубокая
Тихо стелется с тьмой желанного,
И грустит душа одинокая,
И грустит сирень грустью странного.

трехэтажной, с кольцевой смотровой площадкой наверху, огражденной чугунной решеткой. А сам дом обнесли высокой кирпичной оградой, стараниями Шлейфера превращенную в шедевр архитектурного искусства: через каждые сорок метров в ограду были встроены калитки-часовенки, увенчанные миниатюрными куполами — точь-в-точь, как на основной церкви. На запад вновь разбили обширный — чуть менее гектара — сад.

В 1899 году архиерейский дом был реконструирован. В частности, появилась небольшая, но очень уютная деревянная церковь, выполненная в русско-византийском стиле.

Покой архиерейского дома тщательно оберегался. Когда встал вопрос о прокладке железной дороги, дума начала всячески противиться ее проведению по намеченному маршруту, опасаясь, что паровозные гудки и стук колес помешают здешним обитателям размышлять о Божественном...

После гражданской войны хозяева у дома менялись часто (сейчас тут больница), и ничего из того, что служило к его украшению, до наших дней не дошло. Нет ни кирпичной ограды, ни калиток-часовенок о пяти куполах, от некогда роскошного сада уцелели лишь жалкие остатки, перки... ну, о церквях и говорить не приходится. И все же имя этого дома — "Архиерейский" — до сих пор на устах у старожилов Оренбурга.

Как видим, у казнокрадства в нашем крае корни уходят в прошлое столетие. С той лишь разницей, что в прежнем веке люди, поживившись из государственной казны, не выставляли напоказ свое несправедное богатство, стыдливо прятали его от людских глаз. Зато в наши дни...

Глеб Десятков

Клятва, ставшая судьбой

Ее судьбу определил выстрел, прозвучавший поздним вечером 6 ноября 1947 года. Гибель Гавриила Петина от рук грабителей потрясла город. На могиле отца пятнадцатилетняя Надя поклялась, что станет скульптором. Как отец.

Конечно, можно предположить, что трагедия лишь подтолкнула ее к тому, к чему исподволь готовила сама атмосфера дома, в котором она выросла — с запахами сырой глины, с культом красоты и творче-

ства, с духом вольности, свойственным даже быту натур артистичных и одаренных. Как бы там ни было, в пятнадцать лет она начала заниматься скульптурой осознанно и целеустремленно. Тут очень помог оказавшийся в кругу знакомых студент художественной академии. Он и уговорил Надю решиться на почти безрасудный шаг: поступать в художественный вуз, минуя практически обязательную промежуточную ступень: училище. И отправи-

Скульптор Зиночка Бушкова. Бронза.
Государственная Третьяковская
галерея, Москва

Писатель Григорий Коновалов. Бронза.
Союз художников России,
Москва

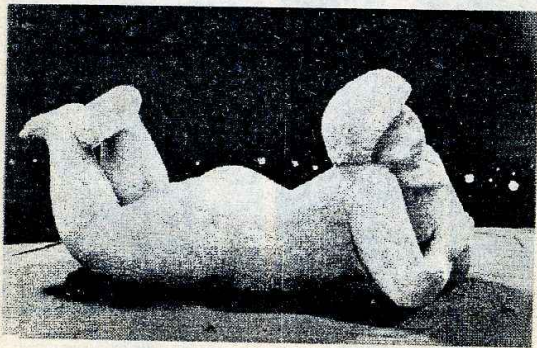
— Да нет, я на заказ никогда ничего не делала, если тема не ложилась на сердце. И революционер Кичигин, и Герой Советского Союза Климов, и художник Фомичев, и хирург Силантьев, и Гагарин наш — это характеры, личности. Ну, а лирика — это ведь сама жизнь, в ней моя душа...

Действительно, сама жизнь — в самом изначальном и вечном ее смысле. Вот, например, скульптура, называемаяся "Древо жизни" (потому, возможно, и выполненная из дерева, из ольхи). В ее простой — на грани схематизма — композиции (мужчина держит на руках женщину,

женщина — ребенка) неспостижимым образом соединились творческая дерзость и художественная логика. Или серия работ под общим названием "Песнь любви": здесь и первый шаг к сближению, и целомудренная, недолкая порывистость первых объятий, и раскованная пластика обнаженной натуры... Он, Она, Материнство — вечный мотив искусства.

... "Мой мир" — так назвала одну из своих недавних выставок скульптор. Но мир художника — это и наш с вами мир. Вглядимся же в него без суесть, и не только глазами, но и душой.

Надежда Емельянова

На пляже. П. Пономарев

Татьяна Судоргина,

зав. отделом информации облгосархива

"Вокзал Белова. Имеет быть сеанс..."

Искусство кино — одно из самых прекрасных достижений человечества. Первый киносеанс в России состоялся 4 мая 1896 г. в петербургском "Аквариуме" — спустя лишь несколько месяцев после появления на свет "синаматографа" Люмьеров. А знаете ли Вы, когда и где познакомились с этим чудом оренбуржцы? Скорее всего, в вокзале Белова (так до революции назывался зал с рестораном, располагавшийся на набережной Урала). Один из наших земляков оставил воспоминания о летнем вечере 1898 г., когда стараящая от любви публика заполнила беловский вокзал:

"Кинематограф, показанный заезжим "французским физиком", не оправдал ожиданий, вызванных широковетшательными афишами и анонсами газет. Генеральное изобретение Люмьера было профанировано зрелищным шарлатанством. На маленьком, чисто игрушечном экране (полотне) показаны были обыкновеннейшие световые картинки, а из живой или движущейся фотографии не удался не один вид. Фигуры людей двигались чрезвычайно медленно, изображения досадно мерцали, скакали и против программы показаны не все. Например, ничего не было показано на злободневную тему испано-американской войны и из картин с обратным движением. Между тем публика наполняла

зал усердно, несмотря на высокие цены (даже за вход платили по 50 коп.).

Наша публика всегда снисходительная, на этот раз не вытерпела, были слышны свистки, шиканье, требования обратно денег, многие же посетители ушли еще с первого отделения".

А в самом начале столетия у оренбуржцев уже появилась возможность выбирать, что и где смотреть. Представьте себе, что летом 1901 г. вы стоите между двумя огромными афишами. Одна из них гласит:

Первый раз в г.Оренбурге в зале вокзала Белова в 9 часов вечера — движущийся Парижский фото-кинема-калейдоскоп даст представление по новой программе, состоящей из трех отделений в 80 поразительных сюжетов, представляя при помощи живой фотографии и калейдоскопической светящейся проекции прогулку по всемирной парижской выставке 1900 г., с обозначением всех чудес и редкостей, пойдут также только-что полученные из Парижа живые эпизоды китайской войны.

Во время представления будет играть оркестр военной музыки. Все аппараты освещаются и приводятся в движение электричеством.

Главный администратор Фото-Кинема-Калейдоскоп-Театра — французский гражданин Ж. Виктор

Вторая афиша не менее заманчива:

Сад общественного собрания. На открытой сцене будет дан первый сеанс Э. Брауна, которым будет демонстрирован Берлинский Кинематограф братьев Люмьер. Представление будет состоять из 3-х отделений, в которых будут показаны картины, имевшие громадный успех в берлинском театре "Аполлон".

Программа картин:

Отделение 1-е. Антракт 20 минут.
1) Встреча Его Величества президентом Фаром. 2) Сход с Красного Крыльца Их Императорских Величеств. 3) Берлинская пожарная команда. 4) Двигущийся тротуар с публикой на Парижской выставке...

Отделение 2-е. Антракт 20 минут.

1) Приход поезда за границей. 2) Парижские нищие. 3) Канкан в берлинском театре. 4) Дамская дуэль в Америке...

Отделение 3-е.

1) Драка 4-х женщин. 2) Выезд кавалери. 3) Война буров с англичанами...

Начало представления г. Брауна с 9, 5 часов вечера.

Цена местам: (со включением благотворительного сбора) стулья 1-го ряда — 1р. 50 коп., 2 и 3 ряда — 1р. 25 коп., 4, 5 и 6 ряда — 1р., 7, 8, 9 и 10 рядов — 75 коп. Вход в сад 50 коп. Дети и учащиеся за вход платят 35 коп.

Согласитесь, трудно отдать предпочтение чему-либо одному. Как ни странно, зрители разобрались быстро:

"Преимущество "фото-кинемато-калейдо-театра" состоит в том, что все картины даются им без перерыва, что избавляет публику от томительных антрактов, которые бываюи во всех существующих кинематографах, затем демонстрируемые г. Виктоаром кинематографические ленты показывают целые сцены, продолжаясь довольно долгое время. Кроме этого фото-кинемато-калейдо-театр имеет очень большой репертуар картин выдающихся явлений современной жизни.

Двигущиеся картины г. Виктоара выделяются тем, что они всегда в натуральную величину, а не больше. В каждом представлении репертуар на картинах почти всегда меняется. Особенно интересна картина "Бой быков в Париже на выставке 1900 г."

После каждой движущейся картины остались недурно исполненные световые картины, на которых глаз зрителя приятно отдыхал после хотя и мало заметного, но все же утомительного дрожания движущихся картин".

Отгорала оренбургцев только кратковременность гастроль — не более 10 дней.

Представитель дирекции Люмьера господин Браун вновь появился в Оренбурге летом 1904 г. Афиши приглашали:

Вокзал Белова. Имеет быть сеанс в 3-х отделениях больших движущихся кинематографических художественно исполненных картин, показываемых посредством двойного театрального без перерывов, вновь усовершенствованного Люмьером в 1903 г. Кинематографа, воспроизводящего на полотне и исполняющего пред глазами публики нелые драмы, оперы, оперетты и фесрии в нескольких действиях без перерывов с громадно эффектной поразительной обстановкой. Для удобства публики все картины будут сопровождаться объяснением. Начало в 9 ч. вечера. Окончание около 12 ч. ночи.

Но все же техника была еще далека от совершенства, подтверждением чему — свидетельство зрителя: "Картин показано много, особенно из текущей русско-японской войны на суше и на море. Много картин комического содержания и фантастических, например, путешествия астрономов на луну по Ж. Верну. Аппарат увеличивает изображения больше натуральных размеров, но все еще далек от чистоты и все еще живые фотографии дрожат".

Другой оренбуржец в будущем смотрел с оптимизмом: "Живая фотография лишена цветов, все прочее — полная

ВЪ ПЯТНИЦУ 15-ГО ФЕВРАЛЯ ВЪ ЭЛЕКТРО-ТЕАТРЪ „ИДЕАЛЪ“

УСТРАИВАЮТСЯ

благотворительные сеансы

ВЪ ПОЛЗУ НУЖДАЮЩИХСЯ УЧЕНИКОВЪ

ВЫПУСКНОГО КЛАССА

Оренбургской Мужской Гимназии,

желающихъ дальше продолжать свое образование.

Безъ сомнѣнія отзывчивое оренбургское общество внесетъ свою посильную лепту въ доброе дѣло.

КАРИНЫ СПЕЦИАЛЬНО ВЫПИСАНЫ ИЗЪ МОСКВЫ

НА ОДИНЪ ТОЛЬКО ДЕНЬ

Печатать разр. Полиграфическ. Лобачевскит.

Типография Д. Х. М

Афиша-вкладыш "Оренбургской газеты" (1913 г.)

ми и духовными средствами". Далее предлагалось допускать детей школьного возраста в кинематографы только с родителями или вообще запретить им посещение киносеансов. Кроме того, открытие новых кинематографов, по мнению критика, должно следовать лишь с разрешения властей при гарантиях безопасности и "благоприятного хода дела".

Вопрос об использовании кинематографа "для образовательных и воспитательных целей устройством особых театров" был поднят в г. Оренбурге весной 1914 г. Он рассматривался правлением семейно-педагогического общества, но оно отказалось взять на себя организацию "научного кинематографа". Оренбургское общество содействия физическому развитию детей отнеслось к проблеме сочувственно, и в кинотеатре "Идеал" демонстрировалась серия картин научного содержания: "Жизнь микробов", "Жизнь птиц", "Земля в медицине". Зал был переполнен. Через год учитель мужской гимназии Кормилев открыл специальный детский кинематограф.

Первая мировая война обозначила новый этап в развитии русского кинопроизводства — она освободила его от иностранной конкуренции. Появились много антиемецких агиток и фарсов. Талантливейший русский режиссер Яков Проганов создал ряд удачных фильмов, среди них — киноверсия романа Л. Толстого "Война и мир".

Оренбуржцы с удовольствием заполняли залы пяти действующих кинотеатров. Они имели звучные имена: "Аполло" (ныне "Октябрь"), "Кок", "Люкс", "Олимп", "Фурор". На экранах шли лучшие картины текущего сезона: "Наташа Ростова" в 5-ти больших частях и последний боевик из жизни знаменитой авантюристки "Сонька — золотая ручка". Широко был разрекламирован фильм с участием Ф. Шалляпина "Иван Грозный". Цена билетов: 20-30 коп. Для сравнения: пуд муки стоил около полутора рублей).

В электро-театре "Фурор" весной 1915 г. гастролировал "Кинетофон Эди-

сона" — "любящий и говорящий кинематограф". Что же он предлагал зрителям? Заглядывая в афишу: "Фауст" — опера Гуно в исполнении итальянских артистов. "Жрица огня" — оперета, участвуют артисты Петроградского "Палестра", "Цыганская жизнь", участвуют знаменитая цыганка, известная плясунья Московского хора от "Яра" Настя Полякова, артист императорских театров А. Давыдов".

Поещения кинотеатров и в мирное время постоянно использовались для проведения различных благотворительных мероприятий, а с началом военных действий они организовывались все чаще и чаще.

Весной 1915 года в электро-театре "Аполло" только один день шел "небывалый боевик мира "Гамлет" по бессмертной трагедии Шекспира в 5-ти колоссальных актах более 2.000 метров". Сбор от сеанса поступил "в пользу общества вспомоществования нуждающимся ученикам Оренбургского реального училища". Учащимся 1-й мужской гимназии в 1916 г. там проведена лотерея. Сбор направлен на изготовление пасхальных подарков для фронтовиков. Артист городского театра А. Чагин с той же целью пригласил оренбуржцев на вечер в кинематограф "Люкс".

Февральская революция 1917 г. отменила цензуру, сначала вызвала робкие попытки создания крикующих царский режим картин. Но затем революционная тематика отстранялась пыльным рассветом мистики, пошлости и откровенной порнографии. Ожигление кинематографии, наблюдавшееся летом 1917 г., было пресечено в октябре.

Газета "Известия Оренбургского губисполкома Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов" в апреле 1918 г. напечатала сообщение о том, что "Советом городского хозяйства реквизированы все местные кинематографы "Аполло", "Люкс", "Фурор", "Чары". Для заведования ими образована коллегия из служащих. При Совете учреждается особый централь-

ный отдел, который будет вести, как хозяйственный учет, так и общее руководство".

В этом же номере на 1-й странице под заголовком "Программа картин электротeatров" публикуются информация о репертуаре пяти театров (кроме

названных — еще и "Кино-Палас", ныне "Юность"). В разгар гражданской войны оренбургские зрители смотрели картины "Жизнь и страдания Иисуса Христа", "Венчал их саман", а в истории кино начался новый, теперь уже советский период...

Когда этот номер "Гостиного Двора" был уже сверстан и практически запущен в производство: в редакцию позвонил Т. Судургина и сообщила, что, как ей только что удалось установить, первый киносенс в Оренбурге состоялся значительно раньше указанного в ее статье срока, а именно: 2 марта 1897 г. в зале Общественного собрания (ныне — Дом работников просвещения). Один из первых оренбургских кинозрителей пишет:

"Была поставлена серия картин под названием "Русская неделя в Париже" по следующей программе: 1) Борня; 2) Площадь большой оперы; 3) Подход поезда; 4) Толпа негров; 5) Русский броненосец "Запорожец" и французская паровая лодка в открытом море; 6) Выход рабочих из мастерских в Париже; 7) Отъезд Их Императорских Величеств из посольства в сопровождении президента Французской республики; 8) Свидания друзей.

Кроме того показаны: "Купание детей в бухте", "Коронационное шествие Их Величеств в Успенский собор", таинце "Серпантин" со всеми световыми эффектами, "Сцена у зубного врача" и "Движение по улице в Гавре". Картина изображающая до того натурально и живо, что получается иллюзия действительной жизни. Вы точно находитесь во сне...

Подходит поезд, останавливается, навстречу ему выходит из вокзала администратор дороги, из вагонов спешат и пассажиры. По улице проезжают экипажи, двери магазинов открываются, в них входят покупатели, из мастерских выбегают рабочие и все это движется, куда-то стремится, пропадает, снова является. Сравнение со сновидением еще более уместным является, если упомянуть, что вся эта кипучая, полная сутолоки жизнь в больших европейских городах совершается перед вами в полнейшей тишине, которую изредка нарушают аплодисменты очарованных зрителей".

Корреспондент "Оренбургского листка" также счел нужным поделить своими впечатлениями: "...живая фотография очень заняла публику. К сожалению, машинка (движущаяся) устроена плохо. Но всё-таки живая фотография заслуживает даже в этом виде того, чтобы ее посмотрело как можно большее число людей, например, в столь доступном месте, как вокзал на бульваре. В публике среди зрителей были татары с женами. Приятно было приметить их глубокое изумление при виде заправских плывущих пароходов или остановившегося железнодорожного поезда, из которого выходят люди, словно живые".